

18+

СЕРГЕЙ МАКОВСКИЙ

Как ЗАРАБОТАТЬ и ПОТРАТИТЬ миллиард?

Сергей Александрович Маковский

Как заработать и потратить миллиард?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55339150

ISBN 9785449882752

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Действие происходит одновременно в двух городах – в Москве и Омске. По волшебству казахского шамана московский миллионер и водитель маршрутки из Омска поменялись жизнями. Водитель оказывается главой строительной корпорации с миллиардными оборотами и офисом в Москва-сити. Начинает вкушать прелести жизни столичного богатея. Миллионер же, оказавшись в стесненных обстоятельствах, вновь, шаг за шагом, выстраивает свой бизнес. В книге есть любовь и трагедия, она легко читается, заставляя задуматься.

Содержание

Оглавление	5
Проснуться в новой жизни	8
Игра начинается	13
Первый день новоиспеченного миллионера	17
Первые деньги	24
Стёпа	67
Валера управляет бизнесом	83
Витя раскручивается	98
Когда деньги жгут карман	116
Внезапная любовь	127
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Как заработать и потратить миллиард?

**Сергей Александрович
Маковский**

© Сергей Александрович Маковский, 2020

ISBN 978-5-4498-8275-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оглавление

Проснуться	в	новой	жизни.	
.....				2
Игра	начинается.....			
.....				5
Первый день новоиспеченного миллионер.....				7
Первые				
деньги.....				
10				
Московский	гламур	во	всей	
красе.....				20
Стёпа.....				
Валера			управляет	
бизнесом.....				38
Витя раскручивается.....				
.....				46
Когда деньги жгут карман.....				
.....				57
Внезапная				
любовь.....				62
Кредит на миллиард.....				
.....				80
Афера с автомобилями.....				
.....				90
Империя рушится.....				

.....	102
Арест	и потеря
бизнеса.....	123
Неожиданный поворот.....	
.....	131
Валера распродает имущество.....	
.....	142
Жизнь должна торжествовать!.....	
.....	145
Экзистенциальный кризис.....	
....	157
Система саморазвития от Вити.....	
159	
Интересная	
встреча.....	182
В полную силу!	
.....	189
Bentley приказал долго жить.....	
...192	
Философия богатства от Вити.....	
194	
Валера едет в Амстердам.....	
...212	
Масштабный проект.....	
.....	220
Что заставляет тебя действовать?.....	
227	
Добро и Зло.....	
.....	233

<i>Последний</i>	
<i>удар.....</i>	<i>248</i>
<i>Создай</i>	<i>себя!</i>
<i>.....</i>	<i>252</i>
<i>Абсолютное</i>	<i>счастье.....</i>
<i>.....</i>	<i>258</i>
<i>Развязка.....</i>	
<i>.....</i>	<i>263</i>

Проснуться в новой жизни

Валера открыл глаза. Первое, что ему бросилось в глаза – богатство окружающей обстановки и памятник какому-то мужику в углу, по-видимому, бронзовый. «Памятник в квартире? Ни фиги себе...» Валера был подавлен. «Наверное, это хозяин квартиры заказал себе статую имени себя» – решил он. На стенах висели какие-то сабли, иероглифы в рамочках и огромный LED-телевизор. И какая-то невероятная чистота вокруг. Подозрительная. Не то, чтобы как в операционной, но все же очень непривычная. Все вокруг лежало и стояло на своих местах. Конечно, Валера не мог твердо гарантировать, что все вещи находились на изначально определенных кем-то для них позициях, но ощущение складывалось именно такое. Валера даже на секунду испугался, что сейчас в комнату влетит куча его друзей и хором крикнут «Сюрприз!». Или из-под кровати вылезет блондинка и скажет «Улыбнитесь, Вас снимает скрытая камера!». Или, чего хуже, появится хозяин апартаментов и начнет Валеру бить. Хозяин такого жилья виделся Валере очень грозным, большим и непременно лысым. От этих мыслей он невольно поежился. Взгляд между тем продолжал блуждать по окружающей его обстановке и остановился на шкуре белого медведя на полу, на которой лежали его грязные носки и выглядели как плевок на зеркале в лифте. Ему стало невероятно стыд-

но, он захотел срочно спрятать их куда-нибудь, чтобы носки своей вопиющей нездешностью не нарушали царившую вокруг гармонию. Валера неловкими движениями, полукрабом, полутюленем, выполз из-под одеяла, скатился на пол и, воровато оглядевшись по сторонам, сунул носки под кровать. Все, вселенская гармония восстановлена, теперь можно и подумать где он, и как тут оказался. До сих пор Валере не приходилось бывать в таких апартаментах, и ему было не за что зацепиться. К тому же чертовски болела голова с похмелья. Валера вспомнил вчерашнюю пьянку и улыбнулся. Как приятно проводить вечера с корефанами! Да еще вчера к ним подсел этот забавный казах, веселил их весь вечер. Как они хохотали, когда он обещал поменять Валеру местами с каким-нибудь московским миллионером! Потом они всей компанией склоняли «трах-тибидох» на все лады и ржали как кони, пока казах не обиделся и не ушел. Трах-тибидох – повторил Валера и засмеялся. «Блин, как я тут оказался?» – вернулся он к своим мыслям. В этот момент прямо перед ним возник из ниоткуда вчерашний казах.

– Какой же ты все-таки... недогадливый! – сказал казах, дал Валере пощечину и растворился в воздухе.

– А-ай! – воскликнул Валера. – В смысле: ни фиги себе... Через секунду казах снова появился и сказал:

– Кстати, тут в углу не «какой-то мужик», а Савва Тимофеевич Морозов! Стыдно не знать! – и дал Валере еще одну пощечину, на этот раз по другой щеке.

Валера ошарашено потирал щеки, и до него постепенно начинало доходить. Казах реально оказался каким-то колдуном и поменял его местами с кем-то очень обеспеченным. Это, конечно, было вообще-то невозможно, но то, что казах появился и исчез, все доказывало.

– Сто пудов – колдун, – сказал Валера вслух. – Блин... да ну на фиг... – с этими мыслями Валера пошел в ванную, посмотреть в зеркало. Там он увидел подтянутого сероглазого мужчину лет сорока в дорогих трусах. И это был не Валера.

– Это хорошо, что я видел уже подобные вещи в кино, подумал Валера, – а то бы точно в обморок упал... Он вспомнил какой-то ржачный фильм с Куценко и Орбакайте.

Раздался телефонный звонок.

– Доброе утро, Виктор Петрович, – женский голос из трубки звучал приятно и живо, – мы планерку сегодня будем проводить?

– Э-э-э... ммм... а надо? – затупил Валера.

– Ну это Вам решать – женский голос засмеялся. – Вы у нас шеф, как скажете, так и будет.

Валера не знал как надо, но планерки не любил еще со времен работы в ЖЭКе.

– То есть, как я скажу, так и будет?

– Э-э-э... ну да. – теперь затупил женский голос.

– Тогда не будем! – радостно воскликнул свежеиспеченный «шеф».

– Ну ладно, – голос слышался теперь несколько растерян-

но. Вас к которому часу ждать?

– Куда? – живо поинтересовался Валера.

– В офис. – голос звучал настороженно.

– А, в офис... – разочарованно протянул «шеф». Ну, сядь на подъеду, наверное, если ключи от квартиры найду и деньги на маршрутку.

– Хорошо. Тогда до встречи. – уныло и несколько отрешенно произнес голос и повесил трубку.

– Так, я – Виктор Петрович, это хорошо. – сказал Валера. Мне надо в офис – это тоже хорошо. Скорее всего, офис тоже мой, раз я там шеф. Теперь вопрос – где офис? И как туда добраться? И кто такой Савва Морозов? Думая так, Валера блуждал по квартире, скользя взглядом по лежащим и стоящим строго на своих местах предметам обстановки. Через некоторое время взгляд и Валера набрали на полочку с ключами. Ключи от квартиры идентифицировались сами собой, хотя бы по магнитному ключу от домофона. Но внимание Валеры привлекли и навсегда покорили два других комплекта, с надписями на брелках – Bentley и Porsche.

Каждый первоклассник благодаря вкладышам «Турбо» и интернету, знает, что «Бентли» круче чем «Порше», поэтому выбор был очевиден. Валера радостно схватил ключи, вышел из квартиры и вызвал лифт. В лифте была кнопка PARKING и Валера ее нажал. Оказавшись в паркинге, он с замиранием сердца надавил на кнопку брелка сигнализации. «Пик-пик!» – раздалось откуда-то из глубины подзем-

ной стоянки, и одна из машин приветливо помигала фарами. Через две секунды Валера уже капал слюной на лакированный капот лимузина. «Реально, Бентли!» – эти два слова бились в возбужденном Валерином мозге и не покидали его всю поездку. Причем слово «реально» стукнулось в мозжечок раз триста, а слово «Бентли» не менее двух тысяч. Валера с уважением, и даже неким трепетом, взялся за ручку двери автомобиля, резко отдернул руку, машинально вытер ее об штаны и взялся снова. Затем решительно и как-то грозно распахнул дверь и плюхнулся в салон. «Блин, да здесь лучше, чем у английской королевы на даче!» – подумал он. Почему на даче, причем тут королева? Валера обычно не искал причин своих мыслей, он просто их думал и все. Вот и в этот раз, он порадовался удачному выражению, роскошному автомобилю и вообще, событиям сегодняшнего дня, завел мотор и поехал по навигатору по маршруту «Работа».

Игра начинается

Витя открыл глаза и увидел потолок. Он был серо-желто-пыльный с водяными разводами и трещиной посередине. По углам висела паутина, настолько пыльная, что казалась просто черной и хорошо просматривалась с любых ракурсов. Очевидно, что в такую паутину поймать уже никого нельзя и паук, видимо, давно ее забросил. Обои, судя по рисунку, были наклеены еще в 90-е годы и уже успели облезть крупными кусками. В левом углу комнаты, наискосок от кровати, стоял большой ЖК-телевизор и выглядел эдаким заморским гостем в русской деревне. Того и гляди, слезет со своего пьедестала и начнет девок щупать. Под телевизором, в тумбочке, стоял DVD-проигрыватель и напоминал Санчо Пансу при Дон Кихоте. Вокруг ТВ-тумбочки веселой россыпью валялись диски, в коробках и без, тут же, на полу, были разбросаны детские игрушки. В воздухе стоял отчетливый запах мочи, резкий, как нашатырь, который смешивался с горьким запахом вчерашних окурков, брошенных в обрезанную жестяную банку от пива. Кроме того, было очень холодно. Рядом сопела женщина с фигурой пингвина. На ней был сильно поношенный турецкий халат с капюшоном и бигуди. Она лежала к нему спиной и выглядела сзади так, что посмотреть на нее спереди у Вити желания не возникло.

Витя еще раз окинул комнату взглядом и довольно улыб-

нул. Пожалуй, это именно то, что надо. Только бы женщину другую, или, если без вариантов, то совсем не надо. Но, в целом, есть над чем работать и Витя мысленно поблагодарил вчерашнего казаха. Вот еще бы за окном оказалась не какая-нибудь глухая деревушка, а город, желательно миллионник, что-то типа Ростова или Новосибирска, но на это Витя не рассчитывал.

Итак, нужен был план действий, но прежде нужно было понять, где он и кто он. Витя осторожно, чтобы не разбудить пингвина раньше времени, выскользнул из кровати и натянул валявшееся тут же на полу трико. Естественно, у трико были вытянуты коленки. Витя тихо рассмеялся и стал искать взглядом белую майку-алкоголичку или хотя бы тельняшку, но нет, на полу из одежды оставалась только красная футболка с надписью «Секс-инструктор». Витя вздохнул, но выбора не было. Он натянул футболку и двинулся в соседнюю комнату, которая оказалась кухней, столовой и прихожей одновременно. Тут же стояла и печка. Возле печки лежали дрова, прямо на полу кухни, здесь же стояла пустая миска, возле которой ошивался черный кот, с надеждой поглядывая на Витю. У входной двери стояло ведро, на треть наполненное... «Да не, не может быть» – подумал Витя. Но быть могло: ведро являлось эпицентром запаха, разносящегося по дому. Вероятно, туалет находился на улице, а холодной зимней ночью ходить туда было неудобно, вот и решили вопрос таким радикальным способом, посчитав, видимо, что лучше нюхать

естественное, к тому же свое, чем отморозить задницу или сломать ногу. Почему не поставили ведро в сенях или хотя бы не накрыли крышкой, Витя не понимал. Но на этом сюрпризы не закончились. В сенях лежала огромная собака, свернувшись калачиком и уткнув нос себе под хвост. «Значит, будет еще холоднее» – подумал Витя и начал топить печку. С непривычки, это оказалось делом не простым. Сначала нужно было вычистить старую золу, а куда ее деть, Витя не знал, поэтому высыпал ее в уже знакомое ведро, решив тем самым две задачи. Затем печка никак не хотела разгораться, пока Витя не вспомнил, что нужно открыть заслонку на трубе. В-общем, глаза боятся – руки делают, и, через полчаса, дрова в печке весело затрещали, и дом начал наполняться теплом.

Зазвонил телефон. К удивлению, это был Айфон последней модели, правда жутко потертый и грязный. Рингтоном служила песня «Золотые купола». На экране высветился абонент – «Старый». Витя взял трубку.

– Алло?

– Ну ты че, бл*, в натуре, спишь еще? – голос звучал бодро и позитивно.

– Простите, что? – переспросил Витя.

– Не вы*бся, студент, подъем и арбайтен, арбайтен! Я уже на Попова загрузился, щас на 20 линии еду. На конечной народу немеряно, дуй сюда по-бырому!

– Э-э, хорошо. – ответил Витя.

– Давай, Студент, давай булками перетирай, пока они тут драться не начали, а то всей толпой щемятся – того и гляди машину перевернут.

– Да, хорошо, я понял. Еду. – сказал Витя и положил трубку.

– Так, я – Студент. – начал размышлять он. – Это плохо. Со мной разговаривают как со щеглом каким-то, это тоже плохо. Плюс ко всему, надо понять, Попова – что это, где это, и почему я должен туда ехать.

Витя вышел во двор. Там стояла желтая пассажирская «Газель» с надписью на лобовом стекле «м320. з/д им. Попова – Нефтезавод».

– Гениально! – засмеялся Витя. Через десять минут он уже ехал по пустынной улице. Увидев человека идущего вдоль дороги, он остановился, вышел из «Газели» и спросил раннего путника:

– Простите, Вы не подскажете, где завод Попова?

– Да вот, пока прямо, на третьем перекрестке направо. Затем все время прямо, до первого светофора, там налево и по прямой до виадука, а там увидишь.

– Спасибо большое, хорошего Вам дня! – поблагодарил Витя, сел обратно в «Газель» и уехал в указанном направлении, а оторопевший прохожий еще долго провожал взглядом маршрутку, водитель которой не знает дорогу к своей конечной, да еще и вежливый...

Первый день новоиспеченного миллионера

К башне «Федерация» подкатил белый перламутровый Bentley Continental GT. Из него вышел Валера и стал ози-раться вокруг. Вид у него был презабавный – зеленая тол-стовка с надписью «I WAS IN MIAMI, BITCH!», черные брю-ки, барсетка и коричневые ботинки на босу ногу. Перед вы-ходом Валера нашел в шкафу и надел понравившиеся ему вещи. Носок он не обнаружил, а куда дел свои не запомнил, поэтому выбрал более высокие ботинки и надеялся, что ни-кто не заметит. Навигатор привел его на парковку комплек-са «Москва-сити» и куда идти дальше, он не знал, поэтому начал просто гулять по стоянке и глазеть на машины. Тут было много «Мерседесов» и «БМВ», некоторые совсем но-вые, и была даже одна «Мазерати». Валера хотел сфоткать себя на телефон рядом с ней, но нашел в кармане только простенькую «Нокию» без фотоаппарата, жк-дисплея и даже Mp3-плеера.

– Вот придурок! – подумал Валера о человеке, чье место он занял, – на «Бентли» гоняет, а телефон нормальный ку-пить не может!

– Здравствуйте, Виктор Петрович! – к Валере подошел охранник, одет он был лучше. – У Вас все нормально?

– О, ты меня знаешь? – утвердительно спросил Валера. – Слушай, братан, я тут забыл, как на работу идти, подскажи, а?

– Через центральный вход, двадцать второй этаж на лобом лифте и налево. – ответил секьюрити, за шестнадцать лет жизни в Москве он научился ничему не удивляться. – Магнитная карта есть у Вас с собой?

– Магнитная карта? – переспросил Валера, – нет, походу нет, а че?

– Давайте, я Вас провожу. – предложил охранник.

– Ага, давай! – обрадовался Валера.

Они зашли в здание. Холл показался Валере похожим на холлы дорогих гостиниц, которые он видел в голливудских фильмах, а от быстрого подъема на лифте у него слегка закружилась голова. Поднявшись на этаж, охранник подвел Валеру к стойке ресепшн, за которой сидела симпатичная девушка, пожелал хорошего дня и удалился. Над стойкой, на стене, объемными золотыми буквами на черном мраморном фоне было написано, нет, скорее начертано «Энтико».

– Здравствуйте, Виктор Петрович – поздоровалась девушка.

– Привет, красавица! Как работается? – Валера приосанился и поглядел девушке на грудь.

– Спасибо, хорошо, вот входящую почту сортирую – девушка проследила его взгляд и ей стало неловко. Она попыталась было отгородиться журналом учета посетителей, сде-

лать вид, что работает и ей некогда, но было поздно – Валера уже флиртовал вовсю.

– Такая красивая и работаешь – смешно пошутил Валера и еще раз поглядел на грудь. На этот раз, он заметил там бейджик, с именем «Базарина Ольга»

Девушка мило улыбнулась и с крайне занятым видом уткнулась в монитор.

– Слушай, ты сегодня во сколько освободишься? – не сдавался Валера.

– У нас рабочий день до шести, Вы же сами знаете.

– Оля, а может куда-нить сходим после работы, пивка попьем, ты как?

– Я сегодня занята, и я не пью пиво. – ответила она доброжелательно, но твердо.

– Ниче себе, и че ты пьешь?

– Ничего не пью, в крайнем случае, могу за компанию вина пригубить или мартини.

– Ого, мартини! Может тебе еще в Мадрид за кипяточком сбегать? Ни фига себе запросы! Я даже себе мартини не покупаю, ишь ты – цаца! – возмутился Валера, и, резко развернувшись, пошел вглубь коридора, оставив остолбеневшую Ольгу наедине со своими запросами. Вскоре он обнаружил на одной из дверей табличку «Иванов В. П. генеральный директор». Валера порылся в карманах, достал ключи от квартиры и стал по одному пробовать отрыть дверь кабинета. Он возился с ключами минуты полторы, пока дверь из-

нутри не открыла удивленная секретарша.

– Здравствуйте, – смущенно пробормотал Валера и юркнул внутрь. Миновав еще один ресепшн, он скрылся за дверью с табличкой «Иванов В. П.»

Кабинет был шикарен: площадью не меньше шестидесяти квадратных метров с окном на всю стену. Из окна виднелся кусок серого московского неба, хроническая пробка на ТТК, две высотки на Беговой и потрепанная черная крыша чудом уцелевшей после правления Лужкова пятиэтажки.

– Вау! – воскликнул Валера. Он еще никогда так высоко не забирался.

Пол кабинета был покрыт особо прочным стеклом, под которым ровными рядами лежали купюры достоинством по 500 евро. Создавалось впечатление, что ходишь по ковроу из денег. У правой стены, напротив окна стоял макет какого-то микрорайона на подставке, здесь же висели и стояли на полках какие-то грамоты, награды, вымпелы, кубки и другие регалии в виде человечков, животных и символов. Особо выделялась на их фоне золотая строительная каска.

Стол руководителя, в виде буквы «Т» был выполнен из массивного красного дерева и смотрелся очень солидно. Большое кожаное кресло только подчеркивало эту солидность. На стене, над рабочим столом висели портреты действующих президента и премьер-министра. Президент на портрете гордо вскинул голову, стараясь казаться больше, чем он есть на самом деле, а премьер глядел по-отече-

ски, с хитрым ленинским прищуром, и, казалось, составлял на тебя протокол.

– Надо будет портреты местами поменять – подумал Валера. – Скоро выборы.

Напротив места руководителя, у противоположной стены, стоял кожаный диван буквой «П», стол, большой телевизор, шкафы и еще какая-то мебель, которую Валера разглядеть не успел, потому что ему не терпелось узнать из какого материала выполнен макет, и он уже отламывал центральную башню, воображая себя Годзиллой.

– Казеин – заключил Валера, закончив осмотр. Он вспомнил, как в школе они с пацанами жгли казеиновые линейки и бросали их в коридоре. Казеин хорошо дымился и жутко вонял – если поджечь две линейки, неопытные директора школ объявляли эвакуацию.

– Надо бы приколоться – подумал Валера и стал искать по карманам зажигалку. Вспомнив про зажигалку, он не мог не вспомнить и о сигарете. Ему страшно захотелось курить, он сегодня не выкурил вообще ни одной сигареты. Но ни сигарет, ни зажигалки в карманах не обнаружилось. Валера приуныл, но ненадолго. Через пять минут он уже ходил по кабинетам и пытался стрельнуть у сотрудников сигаретку. Как назло, попадались одни некурящие. В конце концов Валере удалось «разжиться табачком» на улице, у уже знакомого охранника. Они покурили три раза за 30 минут, попутно выяснив кто где служил, кто как жену дома строит

и кто что думает по поводу нынешней аномально теплой зимы. Заодно, Валера объяснил Гене, так звали охранника, что его Nexia – г*но, потому что 16-клапанный движок корейцы не доработали, а вот 8-клапанный, вот это да, это тема, его раньше на Опель ставили – настоящий неприхотливый немец. Охранник с ним не согласился, мотивировав тем, что на 8-клапанных двигателях при обрыве ремня ГРМ «загибает клапана», а 16-тых, якобы, нет. Сошлись на мнении, что лучше «Мерседеса» машины нет, хотя и они пошли не те... В-общем, расстались они настоящими друзьями, довольные собой и друг другом, Гена даже отсыпал Валере несколько сигарет, чтобы до вечера хватило.

Вернувшись в офис, Валера потребовал у секретарши кофе и, включив ноутбук, полез на «Одноклассники». Надо было обязательно поменять статус. Он долго думал и, наконец, вывел: «Сiju в офисе на 22 этаже, скучаю». Потом подумал и добавил «своим». Получилось «Сiju в своем офисе на 22 этаже, скучаю».

– Нет, почему скучаю – работаю. «Сiju в своем офисе на 22 этаже, работаю». – Нет, не пойдет, тут ничего не сказано про Бентли. А если так: «Сiju в своем офисе на 22 этаже, работаю. Бентли у подъезда». – Нет, слишком длинно для статуса. «Офис на 22 этаже. Бентли у подъезда.» – Да, уже похоже, но чувствовалась какая-то незавершенность.

В конце концов был утвержден такой вариант: «Офис на 22 этаже. Бентли у подъезда. Вечером в клуб)))» Смай-

лики в конце были обязательны, они придавали фразе общее позитивное звучание. Теперь установим этот же статус «Вконтакте». Как же, все-таки, жаль, что нет фотоаппарата, чтобы пофоткаться в офисе, в машине, в квартире и фотки на сайт выложить! До конца дня Валера сидел в социальных сетях, рассказывая друзьям и друзьям друзей о своей новой жизни. Если звонил телефон, он не брал трубку, так как начинать знакомиться со своей новой работой планировал только завтра.

Первые деньги

Витя целый день возил народ по маршруту, благо он был прост и незатейлив, как свадьба прапорщика. По газете, которую он нашел в салоне, Витя понял, что находится в Омске. Про Омск он знал только, что это где-то в Сибири и там живет больше миллиона человек. Это не могло не радовать – значит, какой-никакой, а рынок тут должен быть. А если есть рынок – найти себя на нем дело техники. Уже через пару часов он научился не реагировать на хамское поведение окружающих водителей. То и дело подрезающие его автомобили были, в-основном, переднеприводными «Ладами» и праворульными «Тойотами», водители же иномарок подороже уже начинали чувствовать в себе некую солидность и, соответственно, были более вежливы. К обеду Витя перестал реагировать на истошные крики проехавших свои остановки пассажиров среднего и старшего возраста, а к вечеру уже стал разбираться в иерархии работников транспорта и особенностях рынка пассажироперевозок.

Число начальников над водителем маршрутки было равно $x+1$, где x – стремилось к бесконечности. Первым и основным начальником являлся владелец маршрутки, который требовал ежедневный план выручки. По сути, это была арендная плата за машину, но водителям маршруток психологически комфортнее было считать себя наемными ра-

бочими, нежели арендаторами, ведь так зона ответственности казалась меньше. Вторым начальником над водителем был сотрудник ГИБДД. Не конкретный, конечно, сотрудник, а сотрудник вообще. Власть гаишника простиралась широко, как казахская степь, и в той степи он был баем. Гаишник мог снять номера с машины за техосмотр, поместить ее на штрафстоянку за страховку, и, даже забрать водительское удостоверение за запах перегара, который у водителей маршруток бывал так же часто как продажная женщина в душе. Любое из этих действий приносило ощутимый убыток, поэтому водители предпочитали договариваться. Со временем, между гаишниками и маршрутчиками возник негласный договор: если сотрудник ГАИ находил 100 рублей в предъявленных документах, он отдавал документы назад, удержав купюру и отпускал водителя с миром. В противном случае устраивал тщательнейшую проверку, вплоть до огнетушителя и, непременно, находил какое-нибудь нарушение. Удивительно, но водителям проще было хитрить, изголяться, давать взятки, чем просто привести документы и автомобиль в порядок и не нарушать правила. Следующим начальником водителя маршрутки был народ. Но, опять же не весь, а только тот конкретный народ, который находился в маршрутке в заданное время. Именно этот народ заставлял водителя останавливаться под знаком, резко перестраиваться с третьей полосы на обочину или стоять на узкой дороге, перегородив всем путь в ожидании, пока пассажир выйдет, где

и как ему удобно. Вообще, Вите больше всего хотелось начать расстреливать именно пассажиров, но он быстро понял, что изменить всех этих людей ему вряд ли удастся, поэтому смирился и даже начал находить их забавными.

Следующим по списку, но первоочередным по важности начальником водителя маршрутки была его жена. Жена была у всех водителей, хотя не каждый из них был хорошим мужем. Почему это было так, Витя понять не успел, возможно, так было проще выживать в суровых условиях российской действительности, или простых ребят легче было развести на «жениться», а может, просто среди маршрутчиков считалось зазорным не иметь жены. Обычно это была продавщица небольшого магазина или палатки на базаре, иногда довольно привлекательная, но всегда без высшего образования. В ее глазах читались искренность и доброжелательность под густым слоем приобретенной недоверчивости. Фигура чаще всего местами подзапущенная, лицо усталое, руки натруженные. Часто встречались следы попыток ухода за собой – окрашенные волосы, всегда с отросшими корнями, новая кофточка с местной оптовки, в отдельных случаях выщипанные брови. На кремах для рук подруги водителей обычно экономили. Вите было жалко этих женщин – в большинстве своем они приносили себя в жертву семье, не получая за это никакой благодарности, однако, это был их выбор.

Сам же водитель маршрутки был физически крепким мужчиной русской ментальности. Поначалу, Витю это очень

удивляло, ведь в Москве водители маршруток практически все кавказцы или азиаты. Среди «газелистов» конечной маршрута 320 кроме русских были и украинцы, и татары, попался даже один еврей, однако все они были неделимой общностью с примерно одинаковым мировоззрением и моралью. Небольшое отличие, пожалуй, состояло в том, что украинец, по общему мнению, был жадный, татарин – жадный и хитрый, а русский считал себя добрым и щедрым. Но, в конце концов, на водку все скидывались поровну и межнациональной розни не оставалось места за накрытым в тени берез за гаражами столе.

Газелист обычный рассуждает о мировой политике, основываясь на новостях, которые видел по телевизору. Ему оппонирует газелист более продвинутый, который новости читает в интернете. Полемика идет, как правило, о внешней и внутренней политике федеральных властей, политика же местных органов самоуправления по традиции однозначно критикуется всеми участниками дискуссии. Вообще, мировоззрение маршруточника являет собой набор штампов и чьих-то мнений и питается уверенностью, достойной лучшего применения.

Газелист чтит дорожную иерархию: отечественные автомобили и бюджетные иномарки, по его мнению, нужно «наказывать» за малейшие несоблюдения ПДД, задевающие его, – газелиста. Вообще – дорога часто оказывалась последним местом, где у газелиста были какие-то права и права-

ми этими он пользовался на всю катушку. «Наказание» выражалось обычно в подрезании, дудении клаксоном, криками из окна или ином дорожном хамстве, пиком которого было – обогнать обидчика и резко затормозить у него перед носом. Так, по мнению газелиста достигался воспитательный эффект. Чтобы «наказывать» машины дороже 1 млн. рублей, нужно было иметь железные яй... нервы и крепкий лоб. И, хотя последний пункт и был отличительной особенностью почти всех газелистов, силой духа и решимостью похвалиться мог не каждый. Поэтому дорогие иномарки «Газелей», в основном не боялись, и плавали в дорожном потоке как женщины из группы здоровья на занятиях по водной аэробике, – неторопливо и вальяжно.

Газелисты отличались неплохой смекалкой и тягой к знаниям. Они хорошо знали, к примеру, правила дорожного движения, причем не по первоисточнику, а по рассказам, однако могли переспорить гаишника. Они знали всех актеров всех сериалов, ведущих новостей и шоу-программ, их также интересовали подробности их жизни. Как свои пять пальцев они знали устройство автомобиля, причем, любого, и технологии его ремонта, и, если кто-то что-то не знал, автоматически опускался в иерархии пропорционально пробелу в знаниях. В омских водителях маршрутных такси погибали Кулибины и Циолковские. К примеру «Петрович», один из водителей конечной маршрута 320 установил себе в салон «Газели» кондиционер, сработанный из старого тещиногo холо-

дильника. Саму холодильную установку он спрятал на крыше, под спойлером своего «Автолайна», а под приборную панель вывел трубку, через которую холодный воздух поступал в салон. Включался чудо-агрегат специальным штуцером, который он заботливо вывел на панель. Другой водитель исхитрился поставить в «Газель» дизельный двигатель от старого «Форда». Третий установил самодельную автоматическую дверь, механизм для нее он заказывал из Москвы через интернет. Водители выводили трубки воздухопроводов на стекло, ставили вентиляторы, аудиосистемы с кучей колонок, увешивали салон смешными наклейками, вешали шторы, приспособливали подголовники под левую руку и проч. и проч. и проч...

И еще они верили. Президенту, гидрометцентру, гороскопам, соседу-алкоголику, который пришел брать в долг, что в Доме-2 все по правде, что у положительного героя сериала все в итоге будет хорошо, в приметы, газетам и телевизору. Более молодые верили в то, что в газетах и по телевизору правду не говорят, зато в интернете точно все правда. Особенно твердо они верили в то, что Россия рано или поздно поднимется с колен и покажет всему миру. Ну а пока этого не произошло, нужно затянуть пояса и потерпеть.

Вообще, газелист был типичным представителем русского трудящегося и в этом смысле мало отличался от таксиста, дальнобойщика, слесаря или того же инспектора ГАИ – всех их нагибали сверху, у всех были кредиты в банках, все жили

в одном обществе, имели схожий быт и не загадывали надолго вперед. Но главное – от чего Витя первое время был в шоке и с чем никак не мог смириться – они работали за копейки. Проезд в маршрутке стоил 12 рублей. За вычетом аренды и топлива маршрутчику оставалось в конце дня в среднем рублей 600. На эти деньги и жили, зарплата жены чаще всего уходила на выплату кредитов.

«А ты еще думал, зачем газелисту жена!» – рассмеялся Витя своим размышлениям. Он сидел на водительском сидении своей желтой Газели и устало смотрел в окно. Он сегодня славно поработал – с раннего утра и до самого вечера крутил баранку. «Баранку. – улыбнулся Витя. Именно баранку!» Он вспомнил свой Бентли. Там был руль. На Кай-ене по ощущениям был джойстик. Раньше у Вити был Кадиллак Эскалейд, у Кадиллака был штурвал, а вот на Газели была именно баранка. И чувствовал себя Витя не водителем, а шофером. Ему захотелось надеть галифе и кожаную кепи, чтобы полностью сжиться с образом. Он снова улыбнулся и пересчитал выручку. 3100 – неплохо! В среднем, выручка обычного водителя на этом маршруте редко превышала две тысячи, о чем Витя осведомился у коллег еще утром. Вообще, день прошел неплохо, намного лучше, чем мог бы. Его события биржевой лентой проплыли перед глазами. Утром Витя не сразу, но нашел свою конечную, которую тут же окрестил «начальной». Люди сами садились, сами передавали за проезд, сами называли свои остановки, вы-

ходили тоже сами. Работа водителя маршрутки была проста до скуки и однообразна до зевоты. Первый рейс на удивление прошел гладко. Честно признавшись пассажирам что впервые на этом маршруте, Витя посадил одного из них, ехавшего до конечной, на переднее сиденье и тот показывал дорогу. Маршрут оказался нехитрым, шел все время по главным магистралям и имел всего один поворот. Первое время новоявленный шофер еще немного терялся, когда пассажиры просили остановить «у библиотеки» или «консум-центра», но, к концу дня уже прекрасно ориентировался, где есть что. До обеда он успел сделать три полных рейса в обе стороны, а в обед познакомиться с несколькими водителями маршрута.

Единственной точкой общественного питания на «начальной» был потертый ларек с беляшами, возле которого стоял куцый столик на длинной ножке. Столик был мерзко грязный – пыльный, липкий, со следами кетчупа, майонеза, пива и кофе. Прожженные пятна от сигарет придавали столу вид поля боя, спешно покинутого бойцами. Под столиком среди множества плевков и окурков валялся мусор, вывалившийся из переполненной урны при ларьке и принесенный сюда ветром. Впрочем, ветер не только приносил мусор, но и уносил, может быть поэтому хозяева ларька не нанимали дворника. Да и сам ларек, по-видимому, стоял тут с начала 90-х, пережил пару пожаров и вполне гармонично вписывался в общий пейзаж. Устало просевший, он походил на до-

революционный дом, вросший наполовину в землю и надпись «...рячее питание» венчала его как вишенка на торте. В таких условиях принимать пищу отказывались даже все повидавшие газелисты и, купив беляш и стакан чая, устремились к своим железным коням дабы принять трапезу сидя за баранкой. Так же поступил и Витя, отметив про себя, что, если поставить тут небольшое кафе с домашней пищей, оно однозначно будет прибыльным, можно даже посчитать насколько.

Вторая половина дня прошла спокойно, в рабочем режиме. Оставался один нерешенный вопрос – кому и сколько платить за аренду машины? Но он решил сам собой, когда вечером к Вите подошел полный круглолицый мужчина с усами и потребовал оплату за сегодня. Мужчину звали Лехой и он имел три Газели, на одной из которых ездил сам, вторую сдавал Вите а третью – Старому, который Вите был уже знаком. За аренду Леха просил тысячу рублей и это было по-божески, потому что большинство хозяев на этом маршруте брали уже по 1200.

Закончив с ориентацией в своей новой реальности, Витя принялся ее анализировать. По сравнению с Москвой, пробок в городе практически не было, что было весьма позитивным фактором для маршрутных перевозок как бизнеса. Сам маршрут 320 тоже хорошо наполнялся, к тому же шел через центр, что обеспечивало большую сменяемость пассажиров в пути – одни ехали из Куйбышевского района

в центр, другие из центра в Нефтяники. Дорожное покрытие центральных магистралей было неплохим, что снижало износ подвески автомобиля. К негативным факторам Витя относил необходимость платить аренду за Газель и низкую стоимость проезда. У него никак не могла уложиться в голове эта сумма. 12 рублей! Всего! Работать за эти деньги совершенно не хотелось. В Москве проехать на маршрутке стоило в среднем около 30 рублей. Поэтому московские маршрутки покупали себе новые Пежо, Ивеко и Мерседесы, тогда как омские с трудом собирали на Газель. Двенадцать рублей... Как оказалось, омичи считали и эту цену завышенной. Проведя соцопрос в течение дня, Витя выяснил, что больше 12 рублей пассажиры платить не будут, хоть тайский массаж в салоне делай. Ни новый Мерседес, ни DVD в салоне, ни сиденья с массажем – ничто не могло заставить омича заплатить 13 рублей за проезд, когда можно дождаться следующую маршрутку и доехать за 12. Кроме того, цена на перевозки устанавливалась не перевозчиками, а, почему-то, региональной энергетической комиссией Омской области. И с этим предстояло работать. Однако, Витя знал, что повысит рентабельность перевозок, правда, пока не знал как.

С этими мыслями он завел свою Газель и поехал домой. На улице было уже совсем темно, пассажиров почти не было, и Витя решил сворачиваться на сегодня.

Пробираясь уже знакомыми улицами в сторону дома, он с тревожным любопытством ожидал встречи с Пингвином.

Сегодня утром он-таки разбудил ее своими хлопотами возле печки. Она вышла, яростно зевая на кухню, почесала бок и сонно поинтересовалась какого травянистого растения семейства капустных ему не спится. В этот момент Витя и разглядел ее спереди. И если сзади она походила на пингвина, то спереди это была Фрекен Бок, если даже не Карлсон. У нее были грубые, некрасивые черты лица без намека на женственность. Подбородков было два, что было неплохим результатом для ее фигуры. Торс был покрыт мощными складками, одна из которых, предположительно была грудью, но Витя не понял какая именно. Полные руки сужались к запястьям и взрывались гроздью кисти, словно сардельки с перевязанными краями. Ноги ходили на руки. Общий овал фигуры спереди оставался пингвиным. Витя почувствовал брезгливость. Не то, чтобы он испытывал к ней неприязнь, наоборот, он ощущал странную смесь жалости и вежливого почтения к этой женщине, но прикасаться к ней ему не хотелось. Вспомнив ее и общую обстановку дома, Витя непроизвольно снизил скорость. Впрочем, он сам выбрал себе эти условия и должен исходить из них – напомнил он себе.

Подъехав к дому, он увидел шумную компанию возле своих ворот. На завалинке стоял магнитофон, из немного хрипящих на басах колонок которого гремел Филипп Киркоров. Люди частью сидели так же на завалинке, частью на лавочке, что находилась напротив, частью стояли посередине. Всего

около дюжины человек обоих полов, кроме того, рядом бегало некоторое количество детей, посчитать которых Витя не успел. Среди людей он заметил своего Пингвина, она наливала пиво из толстой пластиковой бутылки в явно обменный на этикетки фирменный бокал. Почему-то Витю совершенно не удивило, что она была в том же халате, в котором спала ночью. Он припарковал маршрутку у ворот, едва не зацепив стоявшую тут же вишневую девятку и вышел в народ. «С корабля на бал» – улыбнулся он про себя.

– О, здорово, Студент! – загалдел нестройный хор отдыхающих

– Че, пивас, привез? – задал вопрос парень с острым взглядом и золотым зубом

– Слышь, Студент, вынеси «крокодилы», у меня на девятке аккумулятор сел – обратился к Вите парень в камуфляжных штанах.

Через десять секунд внимание компании переключилось обратно на досуг.

– Манька, еп твою мать, я кому сказала – брось эту гадость! – раздался женский крик.

Манька, девочки лет пяти в изначально белых колготках, в знак протеста зарыдала в голос. Мамаша схватила ее за руку и звонко шлепая по попе потащила домой. Ребенок рыдал, мамаша материлась, компания не обращала внимания, корпоратив продолжался.

– А я тебе говорю, пивом только желудок портить! Его,

чтобы опьянеть, надо литров пять засадить, на хер нужно желудок растягивать, проще водочки замахнуть – с видом знаатока вещал захмелевший светловолосый парень. Ему оппонировал парень в белой борцовке:

– Слышь, да ты на водяру подсядешь за нефиг срать, а пивас – нормальная тема, можно пить сколько угодно!

– Да ты че, гонишь что-ли, от пива у тебя писюн отвалится и сиськи как у бабы вырастут, ха-ха-ха! А водочки сел, культурно выпил да под закусончик нормальный, да с телкой симпотной, лепота-а!

– Ага, конечно, зато от водки с утра башка трещит...

– А от пива не трещит как будто – перебил светловолосый.

– Трещит, но не так, как от водки!

– Пацаны, тема это сэм – вмешался похожий на татарина паренек с сутулой спиной

– Да какой сэм, иди ваще на хер, водка – это тема, я тебе говорю.

– Да вы алкаши, бл*, идите вообще в жопу, бухайте че хотите, я лучше пивка выпью, с рыбкой.

– Да иди ты сам, йопта, сколько ты этого пива пить будешь? А потом писать криво будешь, ха-ха-ха!

– Так, пацаны, – вмешался парень в камуфляжных штанах, – не спорьте, пиво без водки – деньги на ветер!

– А-а-а, да, ага, точно, ха-ха-ха! – пришли к общему мнению участники дискуссии.

Весь вечер они что-то с интересом обсуждали, о чем-то

увлеченно спорили, размахивая руками и толкая друг друга. Иногда, если заканчивались аргументы в споре, более сильный мог погнаться за более слабым, в качестве шутки, конечно, но шутки назидательной. Дискуссия сначала шла о том, что лучше – пиво или водка. Потом обсуждались события внешней политики, моторы БМВ, новые законы, общие знакомые. Говорили в основном, мужчины, причем, часто все одновременно. Женщины слушали общие разговоры, периодически объединяясь в небольшие группки для обсуждения локальных тем, и возвращались обратно в компанию, исчерпав вопрос. Время от времени поднимались и сугубо практические темы, как купить место в садике, в какое время лучше идти в поликлинику, где в районе самое дешевое молоко и так далее. Как правило их инициаторами выступала женская половина компании. Она же решала, когда мероприятие закончится, уводя мужчин по домам.

С нескрываемым удивлением Витя заметил на лавочке шахматы. В них, правда, никто не играл, но они были! Кто-то их сюда зачем-то принес, а это характеризовало местных с совершенно неожиданной стороны. Киркорова в магнитофоне тем временем сменила группа «Виагра» а затем и Дмитрий Оленин, который честно признался, что мы слушаем «Русское радио»

Удивительно, но Витю быстро захватили такие разговоры. В этот вечер он открыл для себя совершенно новый вид человеческого общения. Выросший в Москве, он и не подозре-

вал, что люди могут быть такими искренними и трогательно наивными. С этими людьми действительно было приятно общаться. Они не лгали, не кривлялись, они оценивали тебя как есть, и относились к тебе соответственно. Не было лжи, фальши, условностей, было чистое человеческое общение, и, если тебе улыбались, то только потому что ты нравился. А не потому, что так принято, или у тебя много денег. Витя заметил, как один парень умывался в сторонке набрав из ковшика воды в рот и выпуская изо рта ее себе на руки тонкой струйкой. То же он встречал у Достоевского в описании быта людей в «Записках из мертвого дома». Внезапно Витя осознал, что Достоевский писал именно об оми-чах, поскольку писал свое произведение в омском остроге. Как же мало изменились эти люди с тех пор! Они по-прежнему неустрашимы, неприязнательны, и ищут справедливого начальника. Кроме того, Витя, как и Достоевский, не мог назвать этих людей глупыми. Они обладали смекалкой, умом, рассудительностью, иронией. Не то, чтобы они были интеллектуалами, но словесные баталии порой не уступали битвам древнегреческих ораторов, а некоторые технические решения можно было смело патентовать. С ними реально было интересно. И как-то необычно. У Вити появилось смутное чувство, что необычно было как раз у него до этого времени. Чтобы попасть в такую компанию нужно было быть одним из них, и Витя по достоинству оценил этот опыт. Один был минус – все пили спиртное и Вите стоило титанических

усилий оставаться в стороне от этого. Пришлось ссылаться на то, что ему с утра за руль и купить безалкогольное пиво, чтобы не особо выделяться. И вот еще что Витя заметил в этих людях, о чем писал Достоевский и за что он проникся к ним искренним уважением – готовность незамедлительно пожертвовать собой во имя справедливости.

Постепенно все соседи разошлись по домам, прикурили девятку, и она уехала. Витя занес магнитофон, Пингвин, которого звали Аней, убрала мусор, и они пошли в дом. Дом был довольно ветхий, давно не крашенный, с просевшей завалинкой и облупившейся крышей. Первым делом Витя вынес ведро в сени и накрыл его крышкой, которую нашел в ограде. Вообще, в ограде валялось так много хлама, что, казалось, из него можно собрать вертолет. «Надо прибраться здесь, пока снег не выпал» – подумал Витя. Затем, за неимением других вариантов, поужинав жареной картошкой, он принялся топить печку на ночь, обдумывая сегодняшний день и вечер. Радостное возбуждение не покидало его, настолько все было ново и необычно.

Он долго не мог уснуть – болела отсиженная пятая точка, ныла затекшая шея и само тело по инерции продолжало куда-то ехать. Он думал над снижением издержек, но коллективный разум тысяч газелистов выжал из ситуации все, что можно еще за годы до того, как Витя впервые об этом задумался. Газелисты регулировали топливную систему автомобиля и уровень подачи газа. Газель в результате еха-

ла как старая больная лошадь, но расход топлива снижался на порядок. Витя также научился одной хитрости – разгоняясь, отпускать сцепление и выключать передачу, чтобы машина двигалась накатом, такая манера езды экономила еще несколько литров газа в день. Разумеется, все маршрутки в Омске были переведены на газ вместо бензина, это серьезно снижало расходы на топливо.

Итак, поднять цену на перевозки Витя не мог, снизить издержки тоже. Но рентабельность необходимо было повышать, Витя просто не умел работать задешево. Вернее, так – он весьма ответственно подходил ко всему, чем занимался и ему просто не хотелось вкладывать столько труда и внимания, не получая за это соответствующего вознаграждения. Смысл любого бизнеса в получении прибыли. Это аксиома, а аксиомы часто не востребованы. Порой людям кажется, что аксиома настолько очевидна, что не стоит о ней даже говорить и думать. Это приводит к тому, что человек упускает из виду самое главное, саму суть. Витя называл это «принципом Золушки и тыквы». Он считал, что каждая новая идея, полученная нами, в течение 72 часов превращается либо в Золушку, либо в тыкву. Во что именно превратится мысль решаем только мы. Если впервые полученную мысль мы немедленно принимаем как руководство к действию – мысль становится Золушкой и начинает нам помогать во всем, чего касается. Если же мы откладываем эту мысль на задворки сознания – обещаем себе подумать над

ней позже или, признав верность мысли, не видим возможностей для ее внедрения прямо сейчас, таким образом мы превращаем ее в тыкву. Тыква пылится в мозгу и не просто бесполезно занимает место, все намного хуже – тыква блокирует внедрение этой мысли в дальнейшем. Снова получая эту мысль, мы говорим – о, да я это уже знаю! И... ничего не делаем. Таким образом – все мысли в нашей голове либо Золушки, либо тыквы. Чем больше тыкв – тем больше наш мозг враг нам же. И наоборот – чем больше Золушек, тем больше мозг работает на нас. Поэтому каждую вновь полученную мысль нужно либо сразу же внедрять, либо отметить, как бесполезную, чтобы она не превратилась в тыкву. Большинство аксиом, к сожалению, для многих людей становились такими «тыквами». Занимаясь бизнесом многие думали, что развивают экономику, создают рабочие места, спасаются от бедности, обеспечивают будущее и так далее, у большинства бизнесменов какой угодно взгляд на цели бизнеса, кроме очевидного и единственно верного. Любой бизнес делается для получения прибыли, все остальное – от лукавого, так считал Витя. На что направлять прибыль – это уже личное дело каждого, но бизнес делается для прибыли! И точка! А что такое прибыль? Это сумма наценки, умноженная на количество продаж. Что такое продажи? Это реализованные заявки, то есть удовлетворенный спрос. Вите очень нравилось изображать суть бизнеса формулой $Q \cdot P$, где Q – количество продаж, а P – сумма полученных денег

Количество продаж в Витином понимании раскладывалось на количество заявок и эффективность их обработки, соответственно $Q=L \cdot C_v$. А прибыль, соответственно, на сумму чека и количество продаж за период, то есть $P=\$ \cdot \sim$. То есть, прибыль состояла из количества заявок, умноженного на эффективность их обработки (конверсию), умноженную на средний чек, умноженный на количество продаж за период. Таким образом, уточненная формула бизнеса выглядела так: $L \cdot C_v \cdot \$ \cdot \sim = \text{бабло}$. Количеством заявок, или лидами, Витя называл общее количество людей, которое хотело купить конкретно наш товар – заходило в наш магазин, на наш сайт или, в данном случае, стояло на остановке и хотело попасть в маршрутку 320. Под конверсией он понимал процент реализации этих попыток – сколько желающих добились цели: купили товар или сели в маршрутку. Это очень важный показатель, ведь он иллюстрирует сколько ты сделал продаж из вообще возможных. Средний чек, это понятно, в Витином случае он составлял 12 рублей и повлиять на него не представлялось возможным. Количество продаж за период означало сколько повторяющихся продаж можно сделать одному клиенту за, к примеру, месяц. Вите сразу пришла в голову мысль о продаже проездных на свою маршрутку, но, подумав, он отмел эту мысль, как не целесообразную.

Самое интересное, что все показатели в формуле бизнеса перемножаются, а это значит, что добиваясь даже незначительного повышения каждого из них, на выходе мы мо-

жем получить кратный рост прибыли. Чем бы Витя ни занимался, строительством, автобизнесом или перевозками, он всегда во главу угла ставил эту формулу, считая ее схемой сути бизнеса и ориентиром всех управленческих решений. Поэтому, поставив вопрос о повышении прибыльности, Витя первым делом написал эту формулу. Вообще Витя предпочитал писать и рисовать, когда думал. Это позволяло более наглядно представлять задачу и не терять мысли. Первым и самым важным показателем формулы было количество лидов. Через полчаса размышлений, Витя пришел к выводу, что повлиять на это количество, можно только изменив маршрут. В данный момент он не представлял как это сделать и нужно ли, поэтому записал эту мысль в блокнот идей и переключился на следующий показатель – конверсию. Тут от Вити зависело очень многое – он мог увеличить количество рейсов за счет своей работоспособности, за счет увеличения количества машин, за счет повышения скорости передвижения, за счет перевозки большего количества пассажиров. Эти задачи были сформулированы, а значит, решаемы. На средний чек Витя влиять не мог, не продавая дополнительные услуги, однако сама постановка вопроса под таким углом натолкнула его на идею прикрепить на дверь внутри салона копилку из оргстекла с мордой довольного кота и надписью «Улыбнись и дай рубль на Вискас!» Рубля коту многим было не жалко и, впоследствии, эта копилка стала приносить дополнительно около 1500 в месяц, что являлось 10-

процентным повышением прибыльности. Кроме этих задач, предстояло работать над снижением арендной платы за машину. Договориться о ее снижении можно было только сделав Лехе какое-то выгодное предложение или пригрозив ему чем-то страшным.

Итак, задачи были поставлены и весь следующий день Витя искал решения, не забывая крутить баранку своего желтого «Автолайна».

Московский гламур во всей красе

Валера уже несколько часов играл в «Веселого фермера». Он ждал шести часов, чтобы можно было уйти с работы и, если повезет, забрать с собой блондинку с ресепшена. Рабочий день он считал необходимым злом, которое нужно было отбыть от звонка до звонка, так было у всех, и он не смел ставить это под сомнение. Он понимал, что начальник, но просто встать и в середине дня уйти с работы ему было неловко, как неловко было бы влезть к врачу без очереди или засмеяться одному в кинотеатре. Вечером он собирался хорошенько гульнуть, ведь теперь у него были деньги и с нетерпением ждал заветных шести часов словно Ромео Джульетту. Он планировал сходить в какой-нибудь хороший ресторан, а потом в самый крутой московский клуб, чтобы оторваться по полной. Он даже нашел в интернете несколько вариантов. Каждый раз бегать курить на улицу было слишком сложной задачей, поэтому Валера курил в кабинете, прямо за столом,

приспособив под пепельницу оторванную от макета башню. Золотую каску со стены он надел на голову, оседлал стул и прыгал по кабинету как средневековый рыцарь, по крайней мере, так ему казалось. Он прыгал и кричал «иго-го!» пока ненароком не разбил телевизор. Часто звонили телефоны, в конце концов Валера их отключил. Периодически приходили какие-то люди, но Валера приказал секретарше никого к нему не пускать. Однако, в середине дня дверь открылась и в его кабинет вошел среднего роста мужчина, на вид лет тридцати-тридцати пяти. Мужчина имел нечто среднее между очень высоким лбом и небольшой лысиной, дорогой костюм и широкую, открытую улыбку. Его внимательные карие глаза смотрели приветливо, но в то же время как-то отстраненно. Зайдя в кабинет, он улыбнулся еще шире и поздоровался.

– Виктор Петрович, мое почтение! Валентина говорит, что Вы никого к себе не пускаете, что-то случилось? – уважительным тоном поинтересовался он.

– Это, ты кто такой? Я же сказал, никто чтобы не заходил! Я же сказал никого не пускать! – заорал он в открытую дверь. На ресепшене что-то рухнуло и загремело.

– Виктор Петрович, простите, я позже зайду. – побледнел посетитель.

– Да ладно, зашел уже. Че хотел? – снисходительно произнес Валера

– Отчет пришел по Одинцово. Собственники переоцени-

ли комплекс миллионов на семь.

– Так. И че?

– Думаю, как обычно – делаем независимую оценку у Костика на Цветном или у Тамары на Рижской, занижаем процентов на десять и воюем.

– Ну видишь – знаешь же все сам, че пришел тогда?

– Ну так за резолюцией, Виктор Петрович.

– За чем?

– За резолюцией. – посетителю показалось, что собеседник его не расслышал.

– Слышь, не умничай, резолюции Ленин устраивал, говори по-русски.

– Ну мне нужно Ваше одобрение. – с любопытством глядя на шефа и осторожно подбирая слова, отозвался докладчик.

– Одобряю.

– Спасибо. Я пойду тогда?

– Погодь, как зовут тебя?

– Илья. Илья Малкин. – посетитель старался держаться невозмутимо, но любопытство в его глазах стало нескрываемым

– Слышь, Палкин, ты я вижу нормальный пацан, хочу в клубешник вечером забуриться, посоветуй какой-нибудь, только нормальный, чтобы телки там нормальные были, пиво чтоб не разбавляли, ну и вообще – нормальный чтобы был. – обратился к нему Валера

– Не знаю даже, Вы потанцевать хотите?

– Ну типа того, поколбаситься, телку снять, пивка выпить.

Илья назвал несколько заведений, из которых выбрали самое пафосное. Они еще немного поболтали пока не настали долгожданные шесть часов. Витя побежал кататься на Бентли, а Илья вернулся в свой кабинет – у него еще было много дел сегодня.

Ольга Базарина, девушка с ресепшена Энтико, уже закончила работу, выключила компьютер и наклонившись, переобувалась.

– Че, пойдем гулять? – услышала она.

Валера стоял сзади и с удовольствием разглядывал девушку.

«О, Господи!» – подумала она, выпрямилась и приветливо улыбаясь, вежливо отказала.

– Да ладно, че ты, поехали, у меня Бентли. – вальяжно протянул Валера и почесал пах.

– Виктор Петрович, знаете, мне на самом деле некогда, мне нужно бежать.

– И куда собралась? Может подвезти?

– Спасибо, я на машине.

– Ох ниче се, да ты крутая. – осклабился Валера и больно шлепнул Ольгу по мягкому месту. В его понимании это было заигрыванием.

– Так, все. Хватит, я ухожу! – твердо сказала Ольга, ее лицо светилось решимостью.

– Да ладно, хоп-хоп, хоп! – он начал по очереди тыкать

указательными пальцами в грудь, живот, плечи девушки, показывая какой он быстрый.

Это было уже слишком. Ольга не сдержалась, дала шефу пощечину и резко развернувшись, убежала, размазывая слезы по лицу.

– Дура. – заключил Валера и направился в сторону лифта.

Об этом мало кто знает, но вообще, жизнь охранника была интересной. В этом вскоре предстояло убедиться Валере, проходившему в сторону парковки мимо уже знакомого секьюрити, которого, как мы помним, звали Геной. Гена улыбнулся и поинтересовался у Валеры как прошел его день.

– Да нормально, только с кралей одной поцапался только что – ответил он

– Да я видел – важным тоном заявил охранник

– В смысле? Где ты видел?

– Работа такая – загадочно улыбнулся Гена

– Слышь, кончай интриги плести, давай говори, говори давай – засмеялся новоявленный босс Энтико.

– Ну на мониторе. У нас же видеонаблюдение по всему зданию, слежу за всем.

– Опа, кайфово. А дай мне тоже посмотреть – загорелся Валера

– Нет, простите, должностные инструкции не позволяют...

– Да засунь ты себе в очко эти инструкции – перебил Валера, пойдём позырим, никто не узнает.

– Нет, Виктор Петрович, я не...

– Пойдем. Или у вас в кабинке тоже видеонаблюдение? Прямо из Кремля за вами палят? – веселился Валера, – айда, давай, не ссы.

Оказавшись в секьюрити-руме, Валера поразился огромному количеству мониторов.

– Да у вас тут как прямо как в космическом корабле! – восхитился он.

Гена и сидевший за столом напарник с улыбкой переглянулись. На самом деле они постоянно водили сюда тайком друзей и женщин и им нравилось слышать подобные восторги.

– А это, видели, как кто-нибудь шпилится? – поинтересовался Валера

– Да всякое бывает – с видом бывалого ответил напарник. Это был пожилой мужчина за пятьдесят с седой щетиной на обвисших щеках. – Мы тут чего только не видели. Однажды этот, как его, все время забываю, ведет на первом канале новости, голый по этажу бегал.

– С хера ли?

– Да под кокосом был или что-то такое. Мы его филинам сдали, что с ним дальше было не в курсах. Сто пудов похерили.

– Филинам?

– Ну, ОВОшникам. А этого, дево-дево-девочка моя пел который, однажды под белы ягодицы подышать вывели, он

прямо в холле каких-то девок накуривал. Он еще здоровый такой, центнер с гаком, насилу вытолкали. Леонтьев у нас был, на голубой теме, Басков, да много кого. Руферов гоняем постоянно.

– Кого гоняете?

– Руферов. Это пацаны молодые, которые забираются без страховки на самые высокие здания и снимают это на камеру.

– А как чпокаются видели?

– Да сто раз, тут этого дофига. И в коридорах, и в туалетах, и в офисах своих. Экстремалы хреновы.

– В офисах? Че и в офисах есть камеры?

– Нет, в офисах нет, но по периметру много и мы в-основном видим, что в офисах происходит, только ты никому не рассказывай.

– Да базара нет.

– Один раз две девки пьяные устроили шоу на семнадцатом, там закуток есть, непроходной, думали никто не узнает. Они же не знали, что у нас везде камеры. Я такого не видел ни до ни после. Вот где страсть.

– Прикольно. А в туалетах камеры есть?

– Нет, есть на входе только и по периметру здания, мы всегда видим кто что, но формально до нас не до*бешься.

– Да ладно, не звезды, есть в натуре?

– Нет, ну я что, врать чоли буду, точно нет. Тут же такие люди бывают, ты что! Узнает кто, не дай Бог, визгу потом

не оберешься.

– Ну ладно, смотри. Верю. А что еще видели, колитесь?

– Да много чего, устанешь рассказывать. Слышал про Металл-Инвест? Их директор как-то приводил к себе Тину Канделаки.

– Гонишь!

– Вот те крест! Прямо в офис. Хотя, может, они просто чай пили.

– Ага, ну-ну! – заржал Валера

– Еще бывает, люди сами приходят, дают денег, чтобы уединиться на крыше или у стекла на верхних этажах.

– Ничего себе, а записи есть?

– Ну есть, конечно, мы все записываем – подключился к разговору Гена

– А давайте позырим. – оживился Валера

– Не, нельзя, нам не разрешают, да и это частная жизнь в конце-концов.

– Ой, да ладно тебе, давай позырим, я тебя потом на Бентли покатаю.

– На Бентли? – на этот раз оживился Гена

– За нефиг.

– Ну окей, только недолго.

– Давай включай девок с семнадцатого...

То ли Гена раньше чего-то не замечал, то ли глава Энтико с двадцать второго этажа прикидывался, но что-то неуловимо изменилось в этом Викторе Петровиче. Если раньше он

просто вежливо здоровался и проходил мимо, то сейчас он внезапно стал в доску своим. С ним было легко общаться, он не строил из себя Бог весть кого, как обычно это делали арендаторы охраняемого им здания. Он был простой и бесхитростный, как... как наган, в чем Гена окончательно убедился уже на парковке, куда пошел с ним, чтобы покататься на Бентли, как было обещано. Валера вспомнил, что не посетил туалет, но возвращаться обратно не хотелось, поэтому он справил нужду прямо на колесо своей машины.

– Теперь и ты у нас в архивах будешь – засмеялся Гена. Во время просмотра записей в секьюрити-рум они перешли на ты.

– Что у вас и тут камеры?

– А ты как думал, конечно.

– Блин. Да и хрен с вами, завидуйте – парировал Валера

Короче, настоящий мужик. И если в начале дня Гена испытывал к нему симпатию, то сейчас, сидя в пассажирском сиденьи Бентли начинал проникаться безгранично преданным уважением, подобно тому, как мальчишки проникаются уважением к самому старшему и сильному во дворе. Салон Бентли поражал своей роскошью, по крайней мере, ничего подобного Гена за свои почти сорок лет жизни не видел. Он понимал, что теперь как минимум неделю физически не сможет сесть в свою Нексию. Все вокруг рождало ощущение запредельной дороговизны и пуленепробиваемого качества. Вокруг было царство удивительно мягкой, точно

шелковой, кожи и лакированного коньячного дуба. Хромированные дуги обрамляли сенсорную мультимедийную систему, блок управления климатом и другие элементы интерьера, по передней панели шел идеальный шов от швейной машинки, подчеркивающий невероятное качество и напоминающий о ручной сборке автомобиля. Гена боялся пошевелиться, чтобы чего-нибудь не испачкать или не испортить. Чтобы хоть немного замаскировать свое восторженное смущение он пошутил:

- Ха, воздуховоды как на Логане!
- Ща пешком пойдешь – ответил Валера
- Да шучу, шучу – ретировался Гена
- За такие шутки в зубах бывают промежутки.

Валера завел двигатель и погазовал. Звук впечатлял, хотя из-за качественной шумоизоляции был едва слышен. В отличие от БМВ или спортивной японки, звук выхлопа которых был резким и четко следовал педали, звук Бентли, словно закипающий чайник, набирал злость где-то в середине, с 4 до 6 тысяч оборотов и нисходил затем до бульканья того же чайника, но уже закипевшего.

- Сколько тут движок? – спросил Гена
- Шесть литров, твин турбо, 575 кобыл.
- Ого!
- А то! Это тебе не мелочь по карманам тырить. Ну че, погнали! – утвердительно спросил Валера, нажал на газ и Бентли выстрелил в сторону выезда с парковки. Он безудержно

мчался по парковочной зоне, лихо входя в повороты, немислимо ускоряясь на прямых и резко оттормаживаясь перед лежачими полицейским пока не выехал за территорию комплекса и... не встал в пробку на третьем транспортном.

Марат уже несколько лет стоял на фейс-контроле в разных клубах и нефтяников, приехавших в Москву спустить килограмм-другой денег, видел издалека. Парень в черных брюках и коричневых зимних полуботинках, приехавший на новеньком Бентли однозначно проходил в клуб, несмотря на приятеля в поддельном Брежете, который озирался вокруг как школьник, впервые попавший в зоопарк.

Гена был из тех парней, которые загорают на пляже стоя. Он пять раз в неделю ходил в тренажерный зал, и дважды в солярий. Питался Гена курагой, яблоками, яйцами без желтков и какими-то коктейлями, которые возил с собой в специальном контейнере. Вообще, на то, чтобы подготовиться к выходу из дома утром Гена обычно тратил весь вечер. В Москве встречали по одежке, поэтому Гена стремился выглядеть представительно. Он почти всегда был в костюме и блестящих, начищенных ботинках. У него были часы Breguet, о которых писал еще Пушкин и телефон Vertu, о котором Александр Сергеевич обязательно написал бы, будь у него такой. Разумеется, оригиналы были Гене не по карману, поэтому он купил неотличимые копии и гордился своей смекалкой. Правда, на Верту через две недели вышоркалась кожа и Гена, доставая телефон в общественных местах,

старался не поворачивать его экраном к людям. Он был похож на Кирилла из Иванушек, за что в свое время его и полюбила жена. Когда она поняла разницу, бежать было поздно, поскольку на пятом месяце беременности особо не побегаешь. Вот уже 16 лет они снимали однушку в ближнем подмосковье и с каждым днем шансы на свое жилье таяли. Уже подрос сын и со дня на день ожидался вопрос о его личном пространстве. Гена же был удивительно стабилен. И если 16 лет назад ее это качество привлекало, то теперь она оказалась его заложницей. Он не хотел брать ипотеку, потому что какая ипотека когда тебе под сорок, до семидесяти лет выплачивать кредит Гена не хотел. Он не мог и заработать на квартиру, потому как с его зарплатой на это ушло бы примерно лет 200. И он не хотел переезжать в какой-нибудь другой регион, где квартиры были в пять-десять раз дешевле, как предлагала Полина, его жена. Она мотивировала его как умела – скандалами и отказом делить ложе. Нельзя сказать, чтобы Гена не пытался заработать денег, но делал он это в силу своих способностей и представлений – непродуманно и топорно. Не имея ресурсов, он пытался влезать в хозяйственные связи других людей, становясь ненужным посредником. Например, если кто-то из его знакомых изъявлял желание купить машину, Гена вспоминал, что другой его знакомый продавал машину и пытался свести их вместе, получив процент с каждого. То, что один хотел купить Ленд Крузер, а другой продавал Ладу Калину, Гена не учитывал. Его

дело было свести людей и проследить, чтобы они не контактировали друг с другом без него. Гена не принимал во внимание, что недоступность информации и бешенные наценки девяностых, позволявшие оплачивать любых посредников, давно сменились на низкую маржу и информационное общество. Когда-то, в девяностых такая схема была широко распространена и хорошо работала, сейчас же изменилось время, люди, мир вокруг, но Геннадий остался стабilen. Жена вздыхала, плакала, устраивала скандалы, приводила доводы и факты, строила логические конструкции, устраивала романтические ужины и ночи любви, уезжала к маме в Рязань, но нельзя сдвинуть то, что сдвинуть нельзя.

Валера сразу оценил в Гене эту стабильность, приняв ее за надежность. Пока они катались по «трешке» он предложил Гене должность водителя-телохранителя. Для Гены это означало повышение дохода с шестидесяти до ста тысяч в месяц и возможность ездить на Бентли сколько он пожелает. Кроме того, Валера сказал, что у него есть еще Кайен и завтра они поедут уже на нем. Гена согласился, не раздумывая ни секунды.

«Заодно и обмоем твоё повышение» – Валера хлопнул Гену по плечу, и они вошли в клуб. Миновав охранника, они очутились в выдержанном в традициях московской роскоши зале: лепнина на потолках и стенах, тиковые полы в сочетании с кирпичными стенами и окнами-витринами, в которых танцевали девушки в стрингах и корсетах с неким подобием

бабетт на головах. На потолке сияла люстра, до того огромная, что Валера боялся под ней ходить. Он ощутил атмосферу гедонизма и алчности. Да, гедонизма и алчности, так Валера описал бы свои чувства, если бы эти слова были ему знакомы. Но слова эти знакомы ему не были, поэтому он выразил свои эмоции коротким и емким восклицанием «О**ительно»! В этот момент к ним подошла хостес и поинтересовалась, заказывали ли они столик. Получив отрицательный ответ, предложила сделать это прямо сейчас, пока они есть.

– А сколько стоит будет? Самая крутая VIP-зона? – поинтересовался Валера

– Вам нужно будет внести депозит в размере 10000 условных единиц по курсу 42,2. Но это, как и везде, только депозит, на который вы сможете заказывать напитки и угощения. Вы вдвоем будете или ожидаете гостей? – уточнила хостесс.

– Погоди 10 тысяч евро, что-ли?

– 10 тысяч условных единиц по курсу 42, 2 за единицу.

– Ого! Это за вечер или вы ее навсегда продаете?

– Это цена за вечер. Это ложа с видом на танцпол с отдельным баром и охраной, вместимостью до 20 человек. Если вы будете вдвоем, возможно вам стоит посмотреть варианты поменьше...

– Слышь, не части – перебил Валера. Давай заворачивай, я беру. Карточки принимаете? У меня виза какая-то. Нет, у меня есть деньги с собой, просто не хочу наличку тратить – начал оправдываться он.

– Да, конечно, следуйте за мной.

Через пятнадцать минут они с Геной уже листали меню в Вип-ложе. Ложа находилась на балконе с панорамным видом на весь зал. Диджейский пульт каким-то невероятным образом висел в воздухе прямо напротив. Сама «Вип-ложа» представляла из себя внушительный черный стол с изогнутыми ножками и массивной стеклянной столешницей, лежащей на деревянном основании, вокруг которого стояли пущатые вип-диваны из черной кожи какого-то редкого зверя. Стены были оббиты мягким, приятным на ощупь материалом нежно-бежевого цвета, на полу лежал светлый барашковый ковролин, а со стороны зала ложу обрамляли солидные бордовые шторы из портьерного материала, которыми можно было в случае чего, отгородиться от внешнего мира.

– Давай, Генарек, выбирай, не стесняйся, нам надо тут на четыреста косарей пожрать. – засмеялся Валера.

– Да как это вообще возможно? Это сколько ж съесть надо, в меня столько не войдет!

– А ты стоя ешь. Может, щас еще девок каких зацепим, они любят на халяву мартини пить. Валера открыл меню. – Да тут переводчик нужен! Что такое Тальята из филе вагью? Стрип-стейк из мраморной говядины, че за стрип-стейк?

– Ща стриптизерша придет из трусов у нее достанешь. Смотри, зубы только не сломай об мраморную говядину, ха-ха-ха!

– Ха-ха, кто-то грызет гранит науки, кто-то мрамор говя-

дины, ахаха-а! Чилийский сибас какой-то...

– Сицилийский чибис, блин. А у меня. Каре ягненка с мятным соусом...

– Ага, ягненка под каре подстригли и зажарили, гы-ы-ы – они так весело и заразительно смеялись, что даже официант, ожидавший у входа, начал улыбаться.

– Филе баранины-тандури с ореховым соусом и кориандром, с салатом из свежих томатов, мяты, огурцов и редиса, заправленных йогуртом, Утиная грудка глазированная в меду, с обжаренными красными сливами, брокколи, соусом Порто и цитрусовым бисквитом – читал меню Валера

– О, я нашел мясной рулет с гарниром из овощей. – воскликнул Гена

– Ну наконец-то нормальное название! Че, давай по пиשרику для начала, да стриженного ягненка заточим?

– Я бы мрамор погрыз – весело отозвался Гена

– Эй, любезный! – позвал Валера официанта. – Нам стейк мраморный и ягненка под каре. И водочки принеси грамм пятьсот для начала.

Сделав заказ, они подошли к балкону и принялись рассматривать контингент. Большинство людей было одето настолько странно, что Валера предположил, будто они переодевались в туалете, потому что выходить в таком виде на улицу никак нельзя. Не побьют, так изнасилуют. Многие девчонки выглядели намного откровеннее, чем если бы были голыми. Впрочем, голые тут тоже были, Валера заметил одну

ммм... девку, танцевавшую на барной стойке в одних трусиках. Он толкнул Гену в бок и взоры их переместились к зрелищу. Девка была красива и пьяна в дым. Она еще немного поперебирала ногами и тяжелым мешком свалилась со стойки на пол, попутно поцарапав себе бедро чем-то острым. Ее тут же увели, вернее уволокли охранники, не забыв забрать с пола одежду, на которую уже кто-то успел наступить. Играла очень заводная и энергичная музыка, Валера и не заметил, как начал притопывать ногой и щелкать пальцами. Она, казалось, текла сладкой ритмичной патокой из умело спрятанных колонок и затекала через уши прямо в мозг, переводя Валеру в состояние возбужденного ритмичного восторга. Туц, ту-ду-дуц, ай кен, ай кен. Туц-тудудуц ай кен, ай кен, подпевал Валера, размахивая руками. Его взор скользил по залу. Девушки на танцполе имели много общего с товаром на витрине и, кажется, понимали это. Одна заметила взгляд Валеры и начала крутиться, показывая себя в самых выгодных ракурсах. Он посмотрел на другую. Та томно стрельнула глазками из-под непропорционально огромных ресниц, повернулась к нему спиной и, словно невзначай, прогнулась в танце. На какую из них Валера бы ни посмотрел, девушки начинали вертеться и извиваться еще призывней. Валера вспомнил, как торговцы зеленью на рынках трясут пучком редиски у тебя перед носом, типа смотри какая свежая. Еще Чичваркин говорил, что демонстрация товара – один из важнейших этапов продажи, поэтому к нему нужно под-

ходить со всей ответственностью. Валера усмехнулся. Вечер ему нравился все больше.

Принесли заказ. Мужчины с аппетитом принялись поедать нежнейшее мясо, запивая его водкой.

– Ну, за твою новую работу! – поднял тост Валера.

– За лучшего в мире начальника! – отозвался Гена.

За следующие два часа они перепробовали большую половину меню. Салаты с мудреными названиями, закуски, горячее – официанты практически без пауз приносили что-то новое и уносили тарелки. Валера с Геной сначала ели, потом просто пробовали, потом просто смотрели как выглядит то или иное блюдо. В конце концов процесс начал выглядеть так: официант приносил следующее по списку блюдо, Валера смотрел на него, нюхал, затем тыкал в него пальцем и приказывал официанту унести. «Это чтобы они его потом еще кому-нибудь не продали» – объяснил он свои действия, поймав вопросительный Генин взгляд. Выпили графин водки, переключились на виски. Наконец, не в силах больше проглотить ни кусочка, Валера откинулся на диван и закурил кубинскую сигару «Cohiba» за пять тысяч. Он вспомнил Ольгу с работы. «Вот дура! Подумал он. Сидит сейчас, наверное, дома, Камеди клуб смотрит. Дура она и есть. Надо ее уволить завтра». Сигара была страшно крепкая, Валера кашлял после каждой затяжки.

– Как они курят эту гадость? – сквозь слезы пожаловался он.

– А ты че, затягиваешься что-ли? Ха, ну ты даешь. Сигарами не затягиваются, ими просто дымят – просветил друга более искушенный в таких вещах Гена.

– А какой понт тогда?

– Вот именно – понт! «Зато какой!» – глубокомысленно произнес Гена.

– Хороший понт дороже денег – засмеялся Валера. Он дымил сигарой и видел себя не меньше, чем Уинстоном Черчиллем. Внезапно он ощутил свой вес, свое могущество. Он захотел властвовать над судьбами, приказывать и подчинять. Ему захотелось людского признания, восхищения, раболепия.

– Официант! – крикнул он. Официант материализовался и застыл с угодливо-вопросительным выражением лица.

– Это, братан, приведи девок каких-нибудь, только хороших, ага?

– Сделаем. – отозвался официант

– Слышь, только чтобы там без проблем, лады?

– Будет сделано. Десять минут подождите. – и официант исчез в темноте коридора.

– Генка, че загрузился, расслабься, шас телок приведут. – обратился Валера к своему приятелю. Не знаю как ты, а я двоих возьму.

– Да я вроде как женатый – отвечал тот

– Ой, да ладно, ты че, целка что-ли? – засмеялся Валера

– Ну я... – Гена замялся.

– Херней не страдай, че как не пацан-то? Не бойсь, не сплю.

– Ну ладно. – сдался Гена.

В этот момент в ложу вошел официант, а с ним две девицы. Подружки особо не отличались друг от друга и были настолько искусственными, что походили на надувных женщин. Валера окинул дамочек взглядом – в них не было ничего естественного, сплошной мейк-ап. Причем мейк-ап был ближе к хенд-мейд. Ботоксные губы с блестящей помадой, огромные накладные ресницы и толстый слой тонального крема делали их лица какими-то ненастоящими, а силикон, пуш-ап на попе (!) и замысловатые прически довершали образ живой резиновой женщины. Такой образ избавлял от необходимости общаться с живым человеком, но, очевидно, требовал капиталовложений, ведь как говорил кот из Шрека – «никто просто так не будет прикидываться пуськой». Валера был готов к расходам, поэтому ничуть не смутился. Наоборот, вечер в его понимании начинал становиться томным.

– Девчонки, привет! – заигрывающим тоном пропел Валера

– Ой, привет, мальчики! – поведение девиц, как и ожидалось, оказалось таким же пластмассовым.

Они картинно обрадовались, обнялись с парнями, почмокали воздух у их лиц и уселись на указанные им на диване места. Веселье продолжилось. Мужчины пили, пели, гром-

ко разговаривали, шумно смеялись и щипали девок за ляжки. Девицы ели, пили, хихикали и, изредка переглядываясь, подливали мужчинам виски. Валера, поглаживая под столом ногу сидящей рядом феи, рассказывал дамам о том, какой он богатый и влиятельный, о своем Бентли и Кайене, о том, что у него целый этаж сотрудников и что он там царь и бог. Он тараторил без умолку, брызгая слюной в лицо Кристине, сидевшей рядом и с деланно заинтересованным видом внимавшей его рассказам. Гена с Алиной, так, кажется, звали вторую фею, стояли у перил и вели околосветские беседы. Он, левой рукой приобняв ее за талию, что-то шептал девице на ухо, она неестественно громко смеялась.

Валера хорохорился вовсю. Внимание дамы льстило его самолюбию. Его давно не слушали так внимательно, и он чувствовал себя в ударе.

– Я, знаешь, какой крутой – кричал он. Я могу в этом зале купить любого. Ваще любого, врубаешься? И богадельню эту купить могу со всей этой музыкой, колоннами и этими чертями, которые тарелки нам носят. – поток разума нес Валеру в сказочное королевство, и он наслаждался путешествием.

– У меня денег знаешь сколько? Знаешь? Вот сколько! – показал Валера. – Я сам даже не знаю сколько у меня денег. А все почему? Потому что я умный! Держись дядю Валеру и не пропадешь – Валера был пьян.

– Ты же говорил, тебя зовут Витя – хихикнула девица.

– Валера! – рывкнул Валера. Меня зовут Валера! И я всех

здесь куплю! – заорал он.

Открыв кейс, который весь вечер таскал с собой, он достал оттуда несколько пачек тысячных и пятидесятых купюр и закричал: – Смотри! – Прижав охапку денег к груди, он взобрался на балюстраду и, держась одной рукой за штору, другой начал раскидывать банкноты. Зеленые и красные купюры падали на головы танцующим, кружась и вальсируя, словно осенние листья. Внизу мгновенно образовалась давка.

– Рабы! – кричал Валера, – кланяйтесь своему господину!

Толпа внизу бурлила как куриный бульон на сильном огне. Люди, словно голодные собаки, подпрыгивали, чтобы поймать деньги в воздухе, толкали и отпихивали друг друга, вырывали купюры у соседей из рук, ползали по полу на четвереньках.

– На пол, обезьяны! Славьте меня! Целуйте мне ноги! Я – ваш господин! – гремел хозяин мира.

Внизу сцепились две размалеванные девицы. Какой-то мужчина в гламурном шарфике ползал на коленях, собирая деньги с пола. Толпа ревела. Ритмичная музыка и алкогольные пары придавали действу какой-то зловещий, почти мистический облик. Стильный парень в джинсах Армани так интенсивно работал локтями, что нечаянно разбил нос прыгающей рядом девушке, испачкав рубашку кровью.

Валера продолжал раскидывать купюры и выкрикивать: «Суки! Я всех вас куплю!» Грохочущий ритм клубного тран-

са бил по голове, затуманивая разум. От возбуждения и выпитого виски у Валеры закружилась голова, он пошатнулся и, медленно, точно во сне начал падать вниз, в эпицентр бурлящей человеческой массы.

Время замерло. Звук музыки точно стих, превратившись в эхо, которое угасло где-то в глубинах сознания. Валера лежал на спине, широко открыв глаза и часто дышал. Вокруг, не обращая на него никакого внимания, толкались и ползали по полу люди. Кто-то вырвал у него стопку красно-оранжевых банкнот, которую Валера все еще сжимал в руке. Подбежал вмиг протрезвевший Гена и схватил его за плечи.

– Ты видел? Видел, как я их? – прохрипел Валера, его зрачки были расширены. Он начал хохотать, но поперхнулся и потерял сознание.

Стёпа

Заканчивался Витин седьмой день работы на Газели и можно было подводить итоги недели.

Во-первых, он придумал, как получать больше денег с одной поездки, переставив сиденья в салоне Газели, в итоге их стало на 2 больше. Конечно, это было нарушением правил безопасности, но гаишники же брали за что-то сто рублей. А ему, между прочим, почти 10 человек надо было перевезти, чтобы собрать эту сотню, так что все по-честному, считал Витя. Также он придумал к маршруту небольшой крюк в новый микрорайон, за счет которого наполняемость салона увеличилась. Это было неофициально, по просьбе пассажиров, но человек пять там всегда выходило и столько же заходило, благодаря Витю за то, что избавил их от необходимости идти пешком больше километра. Кроме этого, он стал работать три раза в день по три часа, все в часы пик, при этом его ежедневная выручка только выросла. Все газелисты работали по сменам – либо утро/день, либо день/вечер, поэтому заставляли один пик или два, Витя же взял три временных промежутка с пиковой нагрузкой. Таким образом, благодаря этим решениям, его ежедневный доход вырос вдвое, при этом почти половина дня стала свободной.

После первого беляша в ларьке».. рячее питание» Витя наотрез отказался посещать это место, прозвав его «Курьяим

питанием», и, путем метода научного обшаривания окрестностей нашел весьма недурную столовую на территории одного из промышленных предприятий, находящихся рядом. В этой столовой в свободное время он делал сайты на заказ, построив глазки буфетчице. Заказчиков он нашел, раскидав объявления по электронным доскам, а исполнителей на фрилансерском сайте. Сам он мало понимал в создании сайтов, но он нашел кто сделает, кому продать и координировал ход работы. Надо сказать, что было это весьма непросто и лишь Витин огромный опыт управления людьми позволил выжать из этой идеи деньги. За неделю ему удалось сделать и продать один сайт производителям штор за 20 тысяч, 7 из которых он отдал фрилансерам. Также, Витя договорился с Лехой, хозяином маршрутки о ее выкупе. Леха сначала не хотел продавать, но Витя предложил рассчитаться в течение месяца и сообщил о надвигающемся капитальном ремонте двигателя, который грозил встать в приличные деньги. Леха счел такое предложение разумным и выгодным для себя, поэтому согласился. Обоюдным решением Газель оценили в 150 тысяч рублей. Такие машины на рынке продавали за 200 и выше, но Витя умел торговаться. Теперь ему нужно было срочно найти эти деньги. Ему не нужно было больше выплачивать аренду, и это сильно облегчало задачу. С учетом выработанного графика движения и расходов на газ и еду, больше 2500 рублей в день Вите откладывать не получалось. Но и это было в пять раз больше, чем

средний газелист приносил домой. 2500 в день умноженные на тридцать дней давали 75000 в месяц. Столько в Омске зарабатывали директора больших предприятий. На изготовлении сайта он заработал 13000 и рассчитывал за месяц продать еще как минимум четыре. Это было неплохим результатом, но недостаточным. Витя решил стараться продавать сайты дороже и чаще, кроме того, подал через интернет заявки на кредит в несколько банков. На эти деньги он рассчитывал купить еще пару-тройку Газелей.

Он всерьез занялся своим здоровьем. От Валеры ему досталось дряблое, слабое тело с висящим животом и боками. Витя постоянно переутомлялся и, если резко вставал, начинала кружиться голова и перед глазами плыли звездочки. Кроме того, его немного трясло и что-то постоянно чесалось в легких. Он стал сам себе готовить, чем немало удивил Аню, ведь Валера раньше и пальцем не шевелил на кухне. Не то, чтобы Витя любил готовить, но проще было сделать все самому, чем объяснить Ане почему он завтракает свежесжатым соком с фруктами, а вечером ест рыбу на пару с гарниром из брокколи и как именно их нужно готовить. Соковыжималку и мультиварку пришлось купить, у Валеры с Аней их, разумеется, их не было.

Кроме того, он начал бегать по утрам. Сначала это было довольно тяжело – Валерино тело, жирное и насквозь прокуренное, вообще не понимало, чего от него хотят. Рядом с домом был мост через реку, в свою первую пробежку Витя на-

силу добежал до его конца, упал на колени и минут 15 не мог отдышаться. Обратно шел уже пешком. Витя засек по спидометру своей Газели длину моста – 1,1 км. В конце недели он с трудом, но добегал туда и обратно без остановки.

Витя занялся территорией своего теперешнего жилища. Он нашел на улице каких-то алкашей и сделал им предложение, от которого те не смогли отказаться. Снарядил их растащить весь хлам с его двора по ближайшим помойкам, за это разрешил забрать весь металлолом, который найдут, включая медь и алюминий. Предложение было шикарным и через три дня во дворе было девственно чисто, алкаши даже подмели. Витя заказал рубероид на крышу, которая уже облезла от старости и протекала, разгородил двор, выделив места под грядки, малину, стоянку для Газели, будущий ремонтный бокс и беседку с мангалом. В глазах Ани появилось нечто вроде уважения, смешанного с недоверием. Вообще, с Аней у него установились нейтральные отношения. Она видела, что муж изменился и подозревала, что он встретил другую. В пользу этой теории говорил факт его отчуждения. Кроме того, супруг начал избегать близких отношений. Он внезапно начал следить за собой, бросил курить, стал делать зарядку, бегать по утрам – все говорило о другой женщине, и Аня не видела других разумных объяснений этой внезапной метаморфозе. Как он мог? Подлец! У них было трое детей. Она стояла перед зеркалом и пристально разглядывала свое отражение. Наверное, она тоже немного виновата – она

была совсем не похожа на ту девушку, какой она была, когда выходила замуж, но он-то каков подлец! Он же не думал, что после троих родов она останется стройной! Да и 10 лет совместной борьбы за существование не сделали ее моложе и красивей. Подлец, подлец! – стучало у нее в голове. Она бросилась на кровать и разрыдалась.

На восьмой день Вите в одном банке одобрили кредит на 200 тысяч. Он сделал все документы на маршрут и начал присматривать водителя, чтобы купить Газель уже под конкретного человека. В это время на «начальной» появился некий Степан, молодой парень с внимательными глазами и стремительной походкой, который искал работу водителем маршрутки. Степа сразу приглянулся Вите. Он увидел в Степе толкового паренька с целями в жизни, а этого для Вити было достаточно, и они, после недолгого разговора, отправились на авторынок покупать Степе Газель.

К своим 23 годам Степа имел 4 судимости и считался рецидивистом. Хотя, глядя на него, предположить такое было никак нельзя. Он был красив, волевые черты лица и глубокие голубые глаза выдавали в нем человека весьма содержательного, решительного, но в то же время мягкого. Глядя на Степу можно было заподозрить в нем ученого, журналиста, или бизнесмена, в конце концов, но никак не рецидивиста. Он выглядел как хороший, добрый человек, впрочем, по своей сути он им и являлся. Да и не считал себя Степа никаким рецидивистом, а что четырежды судим, ну

так что ж теперь – бывает. Когда ему было 14 лет, он побил в школе мальчика, который оказался сыном полковника милиции. Этот нюанс обернулся статьями «умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью» и «вымогательство». Вымогательство доказать не смогли, но вред здоровью был на лицо, вернее, на лице румяного отпрыска. Степу, конечно, не посадили, но первый условный срок у него появился. В 16 лет, ровно на следующий день, после того, как закончился первый условный срок, они, выпивая с друзьями, залезли в магазин, чтобы взять еще пива и сигарет, потому что денег не было, а выпить хотелось. Их поймали на месте преступления, но Степино несовершеннолетие и стечение обстоятельств снова обернулись для него условным сроком, на этот раз в 4 года с отсрочкой в один год. Следовательно так и сказал Степе: если бы ты залез в магазин вчера, то получил бы года три, минимум, плюс те два года прошлого срока и поехал бы на пятерик в колонию, а так, может, опять условкой отделаешься. И Степа отделался. Еще через два года, пьяный Степа с другом взяли покататься «шестерку» соседа, но спросить у него разрешения забыли. Сосед, не найдя машину под окном, позвонил в милицию. Степу с другом арестовали у соседнего дома – они пили пиво прямо в машине, ссылаясь на то, что на улице холодно, а отъехали, потому что хотели забрать девчонок из соседнего дома. Это была страшная глупость, но не преступление. Сосед, разумеется, претензий не имел и ходатайствовал о закрытии уголовно-

го дела, но ход ему все же дали, ибо рапорт об аресте просто так не выкинешь. Одному Богу известно, чем было продиктовано такое решение судьи, но Степа получил свой третий условный срок, 5 лет с отсрочкой на шесть, хотя по всему выходило, что на этот раз его должны были посадить по-настоящему. Степа зарекся выпивать, засел за учебу, поступил в мед. академию на бюджетное место и начал ходить в церковь. Он стал другим человеком. «Слава те, Господи, Степка, кажись, образумился!» – говорили бабушки на лавочке. Он хорошо учился, часто бывал в библиотеке и готовился связать жизнь с медициной. И вот, спустя 4 года, когда Степе было 22 у него в подъезде произошел неприятный казус с Каныгой, жившем на третьем этаже. Это был опустившийся дедок неопределенного возраста, пропитый, но удивительно жилистый. Его все звали Каныга, и Степа не знал – фамилия это или прозвище. Каныга несколько раз в день смолил Беломор на площадке, за что был ненавидим всеми соседями. В тот вечер Каныга, по обыкновению, сидел на корточках, дымил вонючей папироской и смачно плевал на пол прямо перед собой. Степа сделал ему замечание и был отправлен в пешую эротическую прогулку. Недолго думая, он спустил Каныгу с лестницы и пнул его под зад на прощанье. Каково же было Степино удивление, когда через два часа в его дверь позвонили милиционеры! Оказалось, Каныга был пьян, поэтому впечатлителен. Его так обидел это пинок под зад, что он пошел в милицию и написал заявление, де-

скасть сосед с пятого этажа напал на него в подъезде и отобрал шапку. А это уже разбойное нападение. Оперативники отправили Каныгу на больничку – снимать побои, а сами пошли звонить в Степину дверь. И так, у оперов на руках было заявление, факт побоев и трижды судимый подозреваемый, остальное было делом техники. Витю арестовали и заключили под стражу до суда. Он понимал, что на этот раз не соскочит. Ситуация, конечно, глупейшая, высосанная из пальца. Каныга проспится и пожалеет о содеянном. Но заявление не заберет, потому что тогда сам попадает под ответственность за ложный донос. Каныга из своих пятидесяти с чем-то лет около тридцати провел по тюрьмам и лагерям, поэтому юридически был подкован. Ситуация складывалась не в Степину пользу, все указывало на то, что в этот раз он получит реальный срок. Разбойное нападение тянуло лет на пять, плюс суд добавит пять предыдущего срока, поскольку шесть лет отсрочки предыдущего приговора еще не истекли. Кроме того, судья отказался от взятки, которую родители Степы предложили ему через адвоката, а это однозначно не сулило ничего хорошего. Самым неприятным в этой ситуации было понимание, что после десяти лет за решеткой у него уже не будет шансов остаться обычным членом общества. Какая, к черту, медицина? На него все будут показывать пальцем. Его не примут ни на одну мало-мальски стоящую работу. Ему придется принять воровской закон, такие сроки не оставляют выбора. А он не хотел, страст-

но не хотел принимать эти правила за норму, и еще больше не хотел расставаться с мечтой стать профессором медицины. Он сходил с ума, плакал ночами, писал стихи и жег их, затем смирился с неизбежным, подстригся наголо и стал привыкать к тюремной жизни.

Через полгода состоялся суд. За это время Степа уже выучил феню, получил погоняло, освоил местные законы и даже занял какое-то свое место в иерархии заключенных и не ждал от суда каких-то сюрпризов. Главной интригой этого мероприятия было – дадут Степе за разбой 5 лет или 6, что Степу не особо тревожило. С учетом предыдущей пятёрки, общий срок получался 10 или 11 лет, и он не видел большой разницы в этих цифрах.

И сейчас, сидя в клетке у всех на виду, словно лев в зоопарке, он невозмутимо и лениво оглядывал помещение, желая, чтобы этот балаган поскорее закончился. Зал был наполовину заполнен какими-то людьми, которым почему-то было дело до его судьбы. На первых рядах сидело несколько молодых людей и девушек с конспектами, по виду студентов, сзади еще какие-то мужчины и женщины, абсолютно разношерстные. Кто они и что здесь делают, Степа не знал, впрочем, ему было все равно. С краю сидел и настороженно поглядывал то на судью, то на часы Степин адвокат, толстый мужчина средних лет с крысиным лицом и бородкой. Он предвидел итог заседания и хотел успеть забрать дочку с аэробики. Степа увидел мать с опухшим от слез лицом.

Заметно было, что она плакала уже много дней подряд. Вот и сейчас она не смогла сдержать рыдания и громко расплакалась. Сидящий рядом отец обнял ее и стал негромко успокаивать «Ну, Свет, ты что, ты что...» Его бледное напряженное лицо осунулось, щеки слегка впали, губы дрожали. Степан еще никогда прежде не видел отца таким подавленным и растерянным. Ему вдруг стало нестерпимо стыдно за себя. Это чувство бритвой полоснуло его по сердцу, но Степа подавил его, задушил деланным безразличием и напускной надменностью. Рядом сидела Степина бабушка, судорожно сжимавшая двумя руками платок и, по-видимому, молилась. Запах ее лекарств распространялся по залу, придавая действию оттенок горечи. Заседание продолжалось около часа и состояло в-основном из зачитывания судьей материалов дела и формулировок законов. Выступил и потерпевший. Тщательно избегая Степиного взгляда, Каныга виноватым голосом подтвердил свои показания. Свидетелей не было. Затем Степе предоставили последнее слово, от которого он отказался. Наконец судья приступил к оглашению приговора. Степан слушал речь невнимательно, зная, что нужные ему цифры не ускользнут от его внимания.

«Зачитывается приговор гражданину Пастушенко Степану Николаевичу... года рождения... суд... постановил... гражданина Пастушенко... обвиняемого по статье... признать виновным... и определить наказание в виде лишения свободы на срок четыре года шесть месяцев с отбыванием

наказания в колонии общего режима...»

В этот момент по залу пробежала волна разочарования, отец обмяк, бабушка потянулась за валидом и лишь мать сидела не шелохнувшись, продолжая напряженно вслушиваться в монотонную речь судьи, словно ожидая чего-то еще. Степа сидел на скамье подсудимых с отрешенным взглядом, закинув ногу на ногу, происходящее его, казалось, никак не трогало.

«А также, учитывая... ранее назначенный судом Центрального района... условный срок... согласно статьям УК РФ... применить... объединить сроки посредством сложения... а также... фактически отбытый срок... зачесть в качестве уже отбытого».

Все было ясно. Зал, доселе сосредоточенно внимавший, наполнился шепотом и шуршанием. Степа презрительно ухмыльнулся. Отец посмотрел на адвоката, адвокат втянул голову в плечи. Никто ни на что больше не надеялся. Однако, судья еще не закончил.

«Согласно закону... от... об амнистии... действия, определяемые настоящей статьей... подпадают под амнистию... согласно формулировке закона... вследствие чего наказание по статье... и срок... суд постановил отменить. Согласно статье... Процессуального кодекса... о назначении наказаний и статье... второй срок аннулируется в связи с отсутствием первого. Таким образом... наказание считать полностью отбытым... а гражданина... освободить в зале суда».

Несколько секунд в зале висела липкая тишина. Присутствующие не сразу поняли, что имеет в виду судья и сомневались, правильно ли они его расслышали. Степе тоже показалось, что он ослышался.

Зал, словно очнувшись, загудел. Конвоир по указанию судебного пристава открыл клетку.

Степа сидел в открытой клетке и не шевелился. Он не мог поверить в происходящее, пока к нему не вбежал его отец и обняв, не вытащил его оттуда.

И даже стоя на низком крыльце деревянного здания районного суда он все еще оставался где-то в себе. Мир доходил до него как сквозь трубу. Гул проезжавших мимо машин, пение птиц, радостные крики обнимающих Степу родственников звучали откуда-то издалека.

«Вот чертяка! Родился в трусах и в майке!» – звучал в его голове голос отца, когда они ехали домой.

«Сынок! Родной! Мы уже думали все...» – запричитала мать...

Прошла неделя, затем другая. Незаметно пролетел месяц, но Степа не возвращался. Он ушел вглубь себя и смотрел на окружающий мир с полным безразличием. Из академии его отчислили, узнав об этом уголовном деле, поэтому ему не нужно было никуда ходить. Он сутками напролет сидел у окна и смотрел на растущие во дворе деревья. Родные пытались его растормошить, но все без толку. Степа словно потерял вкус к жизни. Он ушел в себя, не объясняя причин.

На все расспросы отвечал односложно, выполнял самый минимум необходимых для жизни действий и при первой же возможности возвращался к своему окну. В этот момент своей жизни он и встретил Наташу.

Наташа не походила ни на одну из девушек, которых он когда-либо видел. Окружающие ее считали странной, сама себя она называла индиго. Ее черты лица не были правильными, но несмотря на это, она была красива. Длинные черные волосы обрамляли ее лицо, утонченные черты которого говорили о хрупкости натуры. Ей было 19, большинство девушек в ее возрасте активно тусили, однако ей это было не интересно. Она рисовала. Она рисовала деревья, фонарные столбы, колодезные люки, дверные ручки, выключатели, таблички с указанием улиц. Она изображала штрихи жизни, как она сама говорила, ведь жизнь состоит из таких мелочей. Однажды она решила нарисовать старый тополь, который видела в одном из соседних дворов. Степа очень удивился, когда увидел возле своего любимого дерева хрупкую девушку с мольбертом. Это было тем необычнее, что накрапывал мелкий дождик, а девушка продолжала рисовать. Он спустился и раскрыл зонт над ее головой. Она еле заметно улыбнулась и продолжила рисовать. Степа молча держал зонт, лишь изредка меняя руку, пока она не закончила. Произведение получилось весьма странным, но Степа решил, что просто ничего не понимает в живописи.

– Завтра тоже дождь обещали – задумчиво произнесла

вдруг девушка. Степа молча смотрел на нее, продолжая держать зонт.

– Я часто рисую под дождем. – продолжала она. – Сама природа участвует в создании штрихов жизни. Так и со мной. Я пишу, дождь дописывает, мы творим вместе.

Степа задумался. Он ровным счетом ничего не смыслил в искусстве, но сама девушка казалась воплощением его. Если бы где-то в мире существовала Муза и людям было дано ее увидеть, то выглядела бы она точь-в-точь как эта девушка. Она казалась ему загадкой и отгадкой одновременно.

– Проводишь меня? – она взглянула на него. Он молча кивнул, взял ее мольберт, который оказался довольно тяжелым, и они неспешно зашагали в сторону ее дома. Она что-то говорила об искусстве, о роли творца в обществе, а Степа просто наслаждался звуком ее голоса и тем, что идет рядом с ней. Он вдруг сообразил, что за все время знакомства не произнес ни слова. Какой позор, он словно проглотил язык! Что она о нем подумает? Если она решит, что он немой, ему будет не на кого обижаться. Кстати, он даже не взял номер ее телефона. Да что это с ним? Они подошли к ее дому.

– Пришли – улыбнулась она. Он кивнул и улыбнулся в ответ.

– Я завтра буду рисовать Ленина, который около ж/д-вокзала стоит, знаешь где это?

– Знаю.

– Придешь?

– Приду.

– Ну тогда пока!

– Пока.

Она повернулась и пошла к своему подъезду. У самых дверей она остановилась, обернулась и еще раз посмотрела на него.

– Ты забавный. – улыбнулась она и зашла в подъезд.

Едва за ней захлопнулась дверь, он развернулся и побежал обратно. Сердце бешено колотилось в висках стучало. Такого волнения он еще не испытывал. Он влюбился сразу и безоговорочно и знал, что завтра уже с утра будет стоять у памятника, чтобы не пропустить ее появление. Он бежал под дождем как Маугли по весеннему лесу, казалось, мир вокруг расцветал, наполнялся жизнью и наполнял жизнью его...

Они встретились на следующий день, как и договаривались. Затем еще и еще, постепенно у них вошло в привычку гулять по городу, рисовать и болтать о разных вещах. Иногда они встречались в ее дворе, где Степа поджидал ее на лавочке, иногда он заходил за ней в интернет-кафе, где она работала администратором. Степа потихоньку разговорился и ее монологи сменились диалогами. Однажды он осмелился взять Наташу за руку, и она не отняла ее. Затем он поцеловал ее в губы, и она не отпрянула.

Она вернула ему ощущение жизни. Он даже начал искать работу, но с четырьмя судимостями сделать это было крайне

непросто. В конце концов он устроился водителем маршрутки, потому что сидеть на шее у родителей больше не мог.

Валера управляет бизнесом

Валера проснулся. Страшно болела голова и спина. Он оглядел комнату. Все как вчера, только на шкуре медведя на этот раз вместо носок валялся Гена и общую картину тоже не красил. Сам Валера почему-то был в одежде.

Он начал вспоминать вчерашний вечер. Они взяли ВИП-ложу, потом пришли телки, потом он раскидывал деньги, потом упал. Но пьяному море по колено – его привели в чувство, и они продолжили бухать уже в зале. Тут было столько девок, что Валера забыл про тех, что остались в ложе. Дамы липли к ним с Геной в буквальном смысле – за полчаса Валера получил пять прямых и вполне конкретных предложений. Они бухали часов до трех ночи, потом выбрали девчонок по вкусу и поехали к Валере домой. Это было, кстати, прикольно, потому что никто не знал где живет Валера, включая самого Валеру. Но, слава Богу, в машине был навигатор с установленными маршрутами. Их, пьяных, тут же остановили сотрудники ГИБДД, опыт которых подсказывал что отъезжающие ночью от клуба автомобиля можно и нужно проверять. Пришлось отдать 70 тысяч, на меньшее они не соглашались. А торговаться, когда ты на карачках выполз из Бентли, было даже как-то неудобно. За эти деньги стражи порядка в качестве бонуса даже сопровождали компанию до дома. В квартире они еще чего-то выпили, а потом... По-

том Валера не помнил. Он принялся озираться. Взгляд его скользил по стенам, по обстановке комнаты, по Гене, который обхватил руками голову медведя и мирно сопел. Что-то изменилось. Если вчера вещи стояли на своих местах, то сегодня они размещались как-то хаотично. Некоторые даже валялись на полу. Не было сабель на стене. На месте, где вчера висел телевизор – из стены торчал пучок проводов. Девушек тоже не было, хотя вчера они заходили в квартиру вместе. Валера это точно помнил, потому что имел четкий пошаговый план действий в квартире и первые два шага они с девушкой прошли. Он сидел на кровати и недоуменно крутил головой.

– Девчонки! – с надеждой в голосе позвал Валера. Тишина. – Девочки? – снова ничего. Тут до него стало потихоньку доходить. Он встал и прошелся по комнатам. Всюду царил беспорядок, словно в квартире был обыск.

– Гена, бл*! – заорал Валера, – вставай, нас ограбили!

В спальне раздался какой-то треск, затем быстро нарастающий шум шагов материализовался испуганно-сонное лицо Валериного водителя-телохранителя.

– А? Че?

– Че? Через плечо! Телки клофелинщицы походу. Смотри какой бардак. И сабли сперли.

Он начал искать свой бумажник, но его нигде не было. Валера вспомнил про кейс. Найти его тоже не смогли.

– Гена, бл*, телохранитель, твою мать, ты куда вообще

смотрел?

– Я, я... – лепетал Гена. Ему нечего было сказать в свое оправдание.

– Я с тебя спрашивать буду! Я так спрошу – мало не покажется! Моя безопасность – это твоя работа, Гена! Какого хера ты вообще вчера бухать начал?

– Я... ну ты же сам сказал «заодно обмоем»...

– Да мало ли че я сказал! Твоя задача – меня охранять, а меня ограбили! В чем дело, Гена? – Валера всегда начинал обращаться к людям по имени, когда злился

– Я... я...

– Головка от патефона «Заря»! Че делать-то теперь?

– Давай я в полицию позвоню, может они их найдут.

– Да в какую полицию, угомонись ты. Ты че как не пацан, чуть что – в ментовку жаловаться побежал. Ладно. Хрен с ними, у меня денег дофига, мне поровну. Но кейс надо бы найти, там какие-то документы были и печати. Скорее всего, важные, я там видел гербы и штампы какие-то иностранные. Давай, твой косяк – ты и ищи.

– Ммм... Это... а как его искать? – мямлил Гена.

– А я *бу? Это твой геморрой теперь, я сказал – найди. Как хочешь найди, не то я тебя на британский флаг порву, понял?

– Понял – понуро отозвался Гена. – Надо в кабак вчерашний позвонить, вдруг ты там его оставил?

– Ну позвони! А вообще, погоди – отвезешь меня на ра-

боту, потом поедешь искать. – Ну Гена, ну ты даешь... Иди завтрак готовь, косепор.

Через час они, наскоро перекусив бутербродами, стояли в подземном гараже между белым Бентли и черным Кайеном. Но ни Валере, ни Гене не хотелось брать Кайен, они полюбили Бентли всей душой и ничто не могло им его заменить. Они переглянулись и через пять минут Валерин Бентли уже выезжал с Большого Афанасьевского на Новый Арбат.

– Куда ты рулишь? Нам налево здесь, я вчера так ездил! – закричал Валера на Гену, сидевшего за рулем.

– Но тут знак и двойная сплошная...

– Да какой знак, угомонись, давай, поворачивай, я разберусь, если че.

Валера включил музыку. Салон автомобиля наполнили звуки песни «We are the champions» группы Queen.

– Фу, старье, – пробормотал Валера. Он переключил на радио и пощелкал каналами. – О! Вот тема! И они помчались в сторону Кутузовского в сопровождении Ньюши.

Валентина Михайловна Шапель, Валерин бизнес-ассистент, уже два часа отбивалась от посетителей. Это была женщина на вид немного за тридцать, очень ухоженная, но деловой вид ее не оставлял места фривольным мыслям. Она имела приятные черты лица и весьма неплохую фигуру, однако в одежде и стиле поведения умело поддерживала «деловую сексуальность». То есть, она определенно была красива, в этом никто не мог усомниться, при этом одевалась весь-

ма разнообразно и с «изюминкой», но никому бы и в голову не пришло отвесить ей двусмысленный комплимент или, например, пригласить на ужин. Она была счастлива в браке и не скрывала этого.

Кроме того, Валентина обладала мозгом киборга – она помнила все нюансы всех дел своего шефа, все документы, по их поводу составленные и все запланированные шаги. Но самое удивительное – она помнила в каком именно месте какого документа какой именно «ОООшки» или ЗАО указаны какие данные. Она знала все, что было написано и что было проговорено устно, а также, что из этого было истинным, а что делалось для банков и аудиторов. Она знала, где лежит тот или иной документ, а их в делопроизводстве «Энтико» было несколько тысяч. Казалось, она помнит вообще все. Она вела рабочий календарь руководителя и согласовывала его контакты, поэтому попасть к нему, минуя Валентину, было невозможно. И сегодня, разглядывая толпу, собравшуюся в приемной, она не могла решить – набрать шефу или подождать еще. Вчера босс, как она полушутя называла своего начальника, странно себя вел, утром нес по телефону какой-то бред, отменил планерку, приехал на работу только к обеду и весь день никого не принимал. Из его кабинета целый день тянуло табачным дымом, хотя босс не курил и Валентина переживала не случилось ли чего. Сегодня утром уборщица сообщила ей, что в кабинете босса разбросана мебель, разбит телевизор и поломан макет микрорай-

она, строительством которого сейчас занималась «Энтико». Сейчас было уже почти двенадцать, сегодняшняя планерка тоже полетела, а шефа все еще не было. Валентина несколько раз набирала номер начальника, но каждый раз скидывала, так и не послав вызов. Она не понимала, что происходит с шефом и не хотела до выяснения делать лишних движений. С другой стороны, напоминание шефу о его делах и планах входило в ее прямые обязанности, поэтому она не могла решить, как именно ей стоит поступить. Когда она все же решилась и набрала, наконец, его номер, в ту же самую секунду дверь с шумом распахнулась и в дверях появился Валера. Он напевал какую-то попсовую песенку и, очевидно, пребывал в хорошем расположении духа.

– Не сейчас, не сейчас! – отвечал он хлынувшим на него людям, – Валечка, я сегодня не принимаю. И сделай мне кофе! – крикнул шеф и исчез за дверями своего кабинета.

Сегодня Валера решил тоже не вникать в работу, потому что, во-первых, болела голова, во-вторых, у него было плохое настроение из-за пропажи кейса, а в третьих, он решил найти себе женщину. В его квартире не было никого, из чего Валера сделал вывод, что этот странный Виктор Петрович не был женат. Девочка на ресепшене куда-то пропала. Валентина? Валя была милой и приветливой, можно даже сказать – душевной, по крайней мере, Валере так показалось, но от нее не исходило никаких сигналов или флюидов, и держалась она как-то... предвосхищая, что-ли, любые намеки

и умело избегая их заранее.

Через 10 минут Валентина вошла с подносом, на котором рядом с дымящимся кофейником стояли чашка, сахарница, сливки и сладости.

– Валь, ты не видела эту, как ее... Ну, девчонка на ресепшене сидела у нас, что-то я ее не увидел там сегодня?

– Базарина Ольга. Да, ее с утра не было. Я звонила в отдел кадров, говорят, она увольняться собирается. Очень странно, кстати, у нас никогда не было к ней претензий – очень ответственная девочка. Да и условия по этой позиции у нас одни из лучших, не понимаю, что ее не устроило. Попросить безопасников, чтобы проверили? Для Марка Ковалерчика загадок не существует, сами знаете.

– Да не, ладно, иди. Тока это, найди на ее место кого-нибудь. Чтобы тоже красивая, ладно?

– Хорошо, Виктор Петрович, я спущу в отдел кадров.

– Ты спускай куда хочешь, но девочек собеседовать я буду лично, ясно? Это же почти что наше лицо, от того, как людей будут встречать, такое у них впечатление о нас будет складываться, ты же понимаешь!

– Хорошо, Виктор Петрович. Когда Вам поставить собеседования?

– Да как будут кандидатки, так сразу и ставь.

– Простите, Виктор Петрович, как быть с Вашим расписанием?

– А что с ним?

– Ну, к примеру, вчера Вы должны были в 15—00 встретиться с испанцами из «Крипсола», сегодня, тоже в 15—00 с префектом, ну, Вы помните. Малкин все утро тут торчит, у него какие-то новости по Одинцово. Кроме того, Вас ожидают еще человек 15 и у всех срочные вопросы. Я уже не говорю про планерки или бассейн, который оплачен до конца года.

– Валечка, посылай всех к черту, а Малкина зови, посмотрим, что там у него.

– И префекта посылать?

– А что, кроме меня никто с ним встретиться не может?

– Ну, Малкин может, наверное, он же Ваш зам. Но там вопрос деликатный, лучше, конечно... Но Валера не дал ей закончить.

– Вот и отлично, зови Малкина, мы с ним перетрем, а потом он к префекту поедет, до трех как раз успеет.

– Хорошо, Виктор Петрович. Что-нибудь еще?

– Нет, все, иди.

– Хорошо. – И Валентина вышла.

Валера удобно расположился в кожаном кресле, положил ноги на стол и закурил. Он не нашел на столе обломка башни, который вчера превратил в пепельницу и приспособил под это дело золотую каску, которую, к своему удивлению нашел вновь висящей на стене. По-видимому, в его кабинете кто-то был, надо бы спросить у Вали кто тут шляется. Минут через десять голос Валентины по селектору сообщил

что Илья Малкин ожидает в приемной.

– Пусть заходит. – распорядился Валера. Илья осторожно вошел и почтительно поздоровался.

– Ну давай, рассказывай, что там у тебя. «Кофе будешь?» – приветливо сказал Валера и жестом хозяина пригласил Илью садиться.

– Нет, спасибо. Виктор Петрович – там по Одинцово ситуация поменялась. С утра звонил представитель собственника, говорит, они согласны на наши условия без независимой экспертизы, но деньги им нужны сегодня, край – завтра.

– Ну так в чем проблема?

– Думаете, успеем платеж провести? Там почти двести миллионов как-никак, а уже обед. И это хорошо, что у нас столько на счетах есть, я у Тамары уже уточнил.

– Илья, ты мой зам, я тебе доверяю – решай этот вопрос. – сказал Валера.

– Тогда я поехал прямо сейчас в банк, через управляющего попробую ускорить, придется там немножко подмазать, ну, сами понимаете. Позвоню Косте, пусть бумаги готовит, и на вечер подписание тогда с собственником назначу, как все будет. Скорее всего, это уже после рабочего дня, раньше никак не успеваем. Я тогда Вам наберу, скажу во сколько и где подписание, вряд ли они к нам поедут, скорее всего, встречаться на нейтральной территории будем.

– Да че мне звонить, подпишешь, да завтра принесешь, че подписал. Все там проверишь и подписывай, ты же голова-

стик у нас, я тебе доверяю.

– Виктор Петрович, простите, но у меня нет права подписи таких документов.

– А у кого оно есть?

– Только у Вас.

– Ну а как сделать чтобы ты за меня подписать мог?

– Если доверенность на меня выпишете, тогда смогу подписать за Вас.

– Да без вопросов – давай выпишу. И это, там еще с префектом надо встретиться, сгоняй вместо меня.

– По поводу? С каким префектом? И во сколько?

– В три часа сегодня. А по поводу – узнай у Вали, она в курсе.

– Так-так-так, – Илья, задумавшись, стучал пальцами по столу. – Ок, тогда я сейчас в банк, оттуда к префекту, и, часов на пять приглашу сюда Марию Николаевну, нашего нотариуса. Если все пойдет по плану, то вечером все подпишу и завтра Вам принесу.

– Ай, маладца! – обрадовался Валера. – Вот работники у меня, вишь! Маладца, Палкин! Ну все, давай, дуй, звони, если че.

Илья взял свой портфель со стула и быстро вышел. Валера отхлебнул кофе и включил компьютер.

Он решил зарегистрироваться на сайте знакомств, чтобы познакомиться с нормальной женщиной, потому что пластмассовые подружки на роль спутницы никак не подходили. Ча-

са через три Валера понял, что если и были на том сайте нормальные женщины, то маскировались они весьма умело.

Девки с сайта знакомств сразу напомнили Валере кредитных инспекторов в банке, которым, чтобы тебе дали кредит, ты должен доказать, что он тебе не нужен.

Абсолютное большинство девушек моложе 24 лет вели себя так вальяжно и строили из себя таких королев, что Валере было стыдно подъезжать к ним на Бентли. Причем, чаще всего, при ближайшем рассмотрении девушки были не красавицами, и имели мало отношения ко всем своим фоткам в роскошных интерьерах, по которым судили сами о себе. Как предположил Валера, фотографии эти делались либо в салоне БМВ Васгена, либо на даче у Ашота. А еще, им всем где-то раздали одинаковые синие зеркальные очки а-ля Сталлоне и, походу, заставили в них сфотографироваться.

Девушки ближе к тридцати немного снижали градус своих понтов, но все еще претендовали на звание королев, хотя уже соглашались на принца с квартирой в Москве и БМВ Х6, который станет заботливым отцом их ребенку от Васгена. Девушки еще старше – ближе к сорока, продолжали считать себя королевами и искренне недоумевали, почему вокруг одни мудаки. Девушки старше сорока становились, наконец-то адекватными, но им все равно уже никто, кроме зеков и военнослужащих не писал. В-общем, как понял Валера, в клубах был один контингент, на сайте знакомств – другой. Но нормальными женщинами пока не пахло. Валера

закрыл сайт и выключил компьютер. Уж лучше он вечером на Арбате туристок поснимает, благо живет там, чем участвовать в этом балагане.

Вечером приехал Илья и привез с собой нотариуса. Они поздоровались, оказалось, нотариус была их какой-то старой знакомой. Илья в общих чертах объяснил Валере, что все идет по плану и они сели за стол, оформлять доверенность.

Мария Николаевна, нотариус, была поразительно похожа на Валентину Матвиенко и, по-видимому, сходством этим гордилась, раз носила такие же очки и прическу. Она имела важный вид и голос, которым она обратилась к Валере был столь же многозначительным.

– Виктор Петрович, – спросила она, – какие права будем доверять? Право подписи договора купли-продажи торгового комплекса в Одинцово или право подписи всех договоров такого рода?

– Знаете че, напишите ему такую доверенность, чтобы он за меня вообще все что угодно мог подписывать – ответил Валера

– Виктор Петрович, Вы уверены? – удивилась нотариус. Впервые в ее многолетней практике права на управление многомиллионной фирмой отдавались под честное слово.

– Да, а че? Он молодой, пусть он и бегает.

– Вы же понимаете, что такая доверенность наделяет Илью всеми правами управления фирмой? Включая получение и перевод денежных средств, открытие и закрытие

расчетных счетов, представление Ваших интересов в налоговых и иных контролирующих органах, право купли-продажи имущества и осуществления расчетов по сделкам, а также иными правами, связанными с текущим операционным управлением предприятием?

– Ну да, конечно, понял, не дурак. Был бы дурак – не понял бы. – пошутил Валера. Я не хочу сам везде ездить, со всеми разговаривать – вон Илья молодой, перспективный, вот он пусть и бегает, зря, что-ли я ему плачу, да, Илья? – Илья вежливо улыбнулся.

– Хорошо, Илья, Вам ясны доверяемые Вам права? – обратилась она к Малкину

– Да, Мария Николаевна, ясны – отозвался Илья.

– Хорошо, раз всем все ясно, давайте тогда документы. Мне нужны ваши паспорта и учредительные документы «Энтико».

Валера достал из кармана паспорт и нажал кнопку селектора.

– Да, Виктор Петрович – раздался голос Валентины.

– Валечка, нам нужны эти... Как их? – обратился он к нотариусу.

– Учредительные документы «Энтико» – ответила она.

– Учредительные документы «Энтико» – повторил Валера.

– Но они у Вас, посмотрите в кейсе.

– Упс – сказал Валера и глупо улыбнулся.

– В чем дело? – насторожилась Мария Николаевна.

– Я, кажется, их потерял – растерянно произнес Валера.

В кабинете повисла тягучая, как смола, пауза. Наконец нотариус заговорила:

– Но тогда я не смогу выписать доверенность. Вы же понимаете, что по закону я должна убедиться в том, что эти документы существуют и что Вы в них фигурируете как лицо, имеющее право давать такие доверенности.

Тут вмешался Илья.

– Мария Николаевна, мы с Вами давно знакомы, мы работаем с Вами уже около десяти лет. Вы много раз видели эти документы, Вы знаете, что мы – солидная фирма, имеем репутацию на рынке, а также в деловом сообществе и не собираемся делать ничего противозаконного. Кроме того, доверенность – это наше внутреннее дело, которое никак не затрагивает третьи лица. С документами все в порядке – мы либо найдем их, либо восстановим, это не проблема, это займет максимум неделю. Но у нас нет этой недели. Нам нужно сегодня подписывать договор, и я Вас очень прошу – давайте оставим эти бюрократические формальности и поступим как люди.

Мария Николаевна посмотрела на Илью, затем на Валеру, потом с видимым усилием произнесла:

– Ну хорошо. – она немного помолчала и продолжила – Но только потому, что это вы. Копии-то есть?

Валера нажал на кнопку селектора:

– Валюша, копии документов «Энтико» принеси нам.

– Давайте, заодно и их заверю, мало ли – понадобятся пока оригиналы не нашли – миролюбиво произнесла нотариус.

– Мария Николаевна, Вы – чудо! – радостно заулыбался Илья. – Как же нам с Вами повезло!

Они закончили ровно в шесть вечера. Илья поручил своему водителю отвезти Марию Николаевну домой, а сам поехал на такси в ресторан «Пушкин» подписывать договор.

Валера набрал Гене.

– Ну че, где ты, орел молодой?

– На парковке, жду тебя. – ответил голос из трубки.

– Уже спускаюсь – и Валера, миновав пустой ресепшн направился к лифту.

Сегодня Валера собирался в стриптиз-клуб. Только нужно было сначала заехать в банк и восстановить карту.

Витя раскручивается

Витя и Степа сидели в только что купленной Газели возле Витино дома и обсуждали нюансы работы. Степе предстояло завтра впервые выходить на маршрут, и Витя хотел, чтобы все прошло без эксцессов.

– Так, маршрут ты запомнил, да? – обратился Витя к Степе. – От завода Попова по десятилетию до Театральной площади, там поворачиваешь на Красный путь, все время прямо до Советского исполкома. На исполкоме направо и опять по прямой пока не упрешься в нефтезавод.

– Да, запомнил.

– Или проводить тебя на первый раз?

– Да запомнил я, не маленький! – недовольно поморщился Степа

– Там еще крюк надо будет в районе Лицкевича делать, но это потом, покатайся пока так, освойся.

– Ага.

– Машинку мы проверили, диагност за состояние ручается, документы на машину и работу в бардачке, табличку с номером маршрута возьмешь завтра у Лехи на Попова, я договорился. Я завтра закажу свою, а пока с Лехиной покатайся, у него все равно лишняя. Мелочь возьми, рублей пятьсот или сколько найдешь, на сдачу. Заправка газовая на третьем разъезде есть. Оденься потеплее, пассажиры все время две-

ри открывают, сквозняк поймает — будешь потом с температурой валяться несколько дней. Обувь, наоборот, полегче бери — туфли летние или кроссовки, ноги очень устают.

— Да разберусь я.

— Ну смотри, Степа, аренда 1200 в сутки и мне все равно — болеешь ты или умер, а деньги принеси.

— Ну это понятно.

— Хорошо. Ну тогда дуй домой, завтра в 6—00 на Попова.

— Ладно, до завтра!

— Давай. И машину ставь под окном, чтобы на виду была.

— Ладно.

— Ну все, давай.

— Да, давай!

Они попрощались, Степа сел в Газель и уехал. Так началось их сотрудничество.

К концу второй недели Вите одобрили еще два кредита, и он купил еще две Газели. Плюс некий интернет-банк, в который заявку он не подавал, прислал ему по почте карточку на 20 тыс. рублей под грабительские проценты которые преподносились как почти бесплатные. Витя взял водителей с «начальной», обещая им человеческое отношение. После свинохозяев водилы были рады работать с адекватным человеком. От карточки чудо-банка было решено отказаться, но не выкидывать, мало ли что... Кроме того, ему на этой неделе удалось продать еще один сайт, на этот раз за 25 тысяч. Фрилансеров дешевле он не нашел, но, скорее всего, де-

шевле были уже откровенные балбесы, поэтому Витя остановился на тех, которые были. К тому же, 18 тысяч с сайта – неплохие деньги и его это вполне устраивало. Таким образом Витин доход за вторую неделю составил 2500, которые он зарабатывал сам плюс 1200, которые привозил Степа, умноженные на семь дней, плюс 18 тысяч за сайт. Итого получилось 44 тысячи. За первую неделю ему удалось отложить только 13 тысяч, заработанные на продаже первого сайта, потому что пришлось заказывать кое-какие стройматериалы на крышу и для бокса, который Витя планировал построить в ограде. Таким образом, за две недели Вите удалось отложить 57 тысяч. Он открыл сберегательную карту в банке и положил деньги туда. Жизнь налаживалась. Чтобы рассчитаться с Лехой у него было еще три недели, а он зарабатывал уже больше трети нужной суммы.

Степа показывал себя очень хорошо. Он не пил, не опаздывал на работу, ответственно относился к доверенному ему автомобилю, чем выгодно отличался от остальных водителей. Витя отметил, что Степа неплохой кандидат на должность бригадира маршрута, и надо обязательно его таковым назначить, когда придет время. Кроме ответственности и исполнительности, Степа обладал любознательностью, чем более всего импонировал Вите. Между ними часто происходили весьма содержательные разговоры разной тематики и Степа всегда старался вникнуть в суть предмета и не успокаивался, пока не понимал в полной мере мысль собеседника,

чем приводил Витю в состояние интеллектуального блаженства.

Разговаривали они обычно во время обеда или в конце смены, не смея тратить на это рабочее время. Темы были весьма разными, но, как правило, речь шла о том, что было непонятно или не очевидно, однако влияло на жизнь непосредственно. Например, однажды Степа спросил у Вити почему, как он думает, мы запускаем спутники в космос, а живем в целом, бедно? Ну ведь нет никакой связи между тем, что мы можем сделать и тем, что делаем по факту.

– Русские, как высокодуховный народ, смещают свой жизненный акцент на нематериальные ценности, а так устроено, что каждый получает то, над чем работает. – отвечал Витя. – Любите справедливость? Великодушие? Бога? Нате вам и кушайте свое великодушие. И одежду шейте тоже из него. Стройте дома из справедливости. Русские забыли, что великодушие может позволить себе только сильный, а справедливость – победитель. Пирамиду Маслоу никто не отменял.

– Пирамиду кого? – спросил Степа

– Пирамиду Маслоу. Это ученый-психолог, весьма выдающийся. Он открыл что потребности человека имеют пять уровней и идут по нарастающей, как пирамида. Первый уровень – физиологические потребности: еда, вода, дыхание, секс, сон. Второй уровень – потребность в личной безопасности. То есть защиты от врагов, преступностей, болезней. Третий – социальные потребности, то есть любовь, друж-

ба, потребность быть членом семьи, партии, какой-то компании друзей... Четвертый уровень – потребность в уважении и признании. И самый высокий уровень – потребность в самовыражении, саморазвитии, познании. Абрахам Маслоу утверждал, что потребности должны удовлетворяться по очереди от низших к высшим и иного не дано. Если не удовлетворены базовые потребности ты не сможешь самовыразиться. Сначала ты должен иметь возможность поесть и поспать, это основа. Если ты голоден, судьбы мира тебя будут волновать гораздо меньше, чем тарелка горячего супа. Затем идет потребность в безопасности. Если вокруг чума, или живешь ты в криминальном районе или твоя страна готовится к войне, тебя мало будут интересовать музеи и театры. Третий уровень – социальные потребности. Это друзья, коллеги, семья и так далее. Если тебе есть что покушать и где жить, тебе начинает хотеться проводить время с кем-то похожим на тебя, любить, дружить и так далее. Четвертый уровень – потребность в признании. Если ты достаточно обеспечил свои потребности и не переживаешь за еду, безопасность и связи со своей группой, тебе начинает хотеться уважения и признания. Ты покупаешь дорогую машину, начинаешь помогать нуждающимся, идешь в политику. Но не раньше, чем будут удовлетворены первые три уровня потребностей. И, наконец, пятый, самый высокий уровень потребностей – потребность в саморазвитии и самореализации. Самое важное в этой идее то, что потребности долж-

ны реализовываться постепенно, снизу вверх. Поэтому, если у тебя дырявые штаны, все твои рассуждения о высших ценностях будут лишь оправданием своих неудач в быту. Русские всем народом попались в эту ловушку. Акцентируясь на высших ценностях типа мира во всем мире и добра всем людям, мы не заметили, как завоевания наших предков потихоньку растащили ушлые и недалёковидные правители, а мы сидим в лаптях и рассуждаем о мировой политике. Мы видим плоскость иностранца, и втайне над ним посмеиваемся, как посмеивался бы айфон над тетрисом, но мы должны уже проснуться и увидеть, что успешность определяется результатом, а результаты у них на сегодняшний момент лучше. Безусловно, мы можем собрать из утюга и пылесоса космический корабль и пойти на танк с вилами, но правильно ли это? С рациональной точки зрения это глупо, потому что, если бы русский дал себе труд подумать и подготовиться, он, победивший танк вилами, имея свой танк, победит мир. И мы в душе это знаем, поэтому чувствуем себя достаточно спокойно. Но ребята, давайте откроем глаза. Наша молодежь уезжает, наши женщины выбирают иностранцев, наши ближайшие соседи и вековые друзья рвут с нами связи и обращают свой взор на запад, а сами мы имеем уровень жизни намного ниже, чем те же европейцы или американцы. Пора что-то менять. Великодушные сильного – высшая добродетель, великодушные слабого – страшная глупость. Мы хотим великих достижений, поэтому ленимся прибратся до-

ма. Лень – это состояние ума, когда ты внутренне считаешь, что результат не стоит усилий. Русские не хотят по-настоящему трудиться для того, чтобы обеспечить себе комфорт, они просто не считают комфорт ценностью. Русские считают по-настоящему важными ценности пятого уровня, а на все остальное им неохота тратить силы. Находясь внизу пирамиды русский тяготеет к ее вершине, чувствует себя там хозяином. Диссонанс реальности с мировоззрением приводит его в состояние необъяснимой внутренней печали, которое русский глушит водкой. Но нам крайне важно понять идею Маслоу – нельзя работать над высшими потребностями, не обеспечив низшие. Сначала накорми и одень себя и свою семью, а уже потом думай о великодушии и братстве. Это намного сложнее, чем пить водку, но мы же сильный народ, да, мужики? Или нет? – Витя повернулся к окну и задумался...

Или, к примеру, Степа пожаловался однажды, что стал хуже запоминать вещи и что ему стало труднее концентрировать свое внимание на чем-то одном.

– Вот, к примеру, книга «Три мушкетера». – сказал Степа. – Помню, в детстве, я зачитывался. Вечер читаешь, второй, третий, неделю читаешь. И все это время удерживаешь события романа в голове, помнишь, что сказал Арамис, где сейчас Миледи, какой характер у Ришелье, во что он одет и куда Д'Артаньян должен привезти королевские подвески. Решил недавно перечитать. Господи, как все затянато! Читал минут двадцать, ну как читал – перелистывал. Ерун-

да какая-то. Во-первых, можно было написать короче раз в пятьдесят. Во-вторых, прочитав страниц десять, поймал себя на мысли что совершенно не запомнил ничего из того, что прочитал только что...

Или советские фильмы. Включаешь и смотришь начальные титры несколько минут. Думаешь, господи, как долго-то! Когда уже сам фильм начнется? Еще и имена актеров висят такое ощущение что по полчаса. Извелся весь, изнервничался, а потом посмотрел – прошло всего три минуты. Три минуты! А по ощущениям целая вечность... Неужели у меня то, что Задорнов называет «клиповым мышлением»?

– Добро пожаловать в информационное общество, сынок – засмеялся Витя. – Главная опасность информационного общества в том, что огромные объемы информации снижают критичность восприятия, запоминаемость, яркость переживания, воображение, способность сконцентрироваться и другие параметры мозговой деятельности. По сути, непрекращающиеся потоки информации разъедают основные мозговые функции. Мозг как бы обрастает ватой, сквозь которую до него все сложнее достучаться новым знаниям. Так он защищается от перегрузки, отбрасывая большинство информации, которую не считает важной. Важность информации мозг оценивает не так как ты, принимая только мысли, подкрепленные эмоцией или мнемотехниками. Это приводит к тому, что до сознания добираются и там остаются только какие-то короткие эмоциональные или необычные сооб-

щения, а это реклама, Путин на желтой Калине и псевдонувоности. Если ты уже вжился в информационное общество и плывеешь в нем, как биомасса по канализационной трубе, поясню – снижение функций головного мозга – это значит, что человек тупеет, конкретно ты и я. Это первый и самый очевидный минус информационного общества.

Кроме того, огромный выбор парализует и заставляет отказываться от выбора вообще, делая уже отупевших людей еще и внушаемыми. Когда большинство становится тупым и внушаемым – жди беды.

В такой ситуации становится необходимым целенаправленное создание внутренней персонализированной системы интересов и ценностей, механизма принятия решений, собственных фильтров входящей информации и принципов работы с ней.

– Чего? – выпучил глаза Степа.

– Того. Ты должен сам решать, что для тебя важно, а не плыть в информационном потоке как... ну ты понял. И выбирать из потока только то, что тебе нужно, не особо вникая в то, что не идет тебе на пользу. Информационное общество лучше, чем закрытое, но важно не перегрузить свой мозг, это чревато большой ловушкой. Чтобы эффективно функционировать в информационном обществе, нужно иметь здоровый, четко функционирующий, структурированный в соответствии с твоими желаниями мозг, и однозначную систему ценностей. Лучше всего в этом помога-

ет цель. Достойная, желаемая, яркая и конкретная цель, подкрепленная верой в ее осуществление и действиями, на это направленными. По сути, современное общество ставит нас перед выбором – либо ты успешный, цельный человек с характером, моралью и ценностями, либо ты тупой скот, который однажды приведут на бойню. Я свой выбор сделал. Теперь выбирай ты...

К концу третьей недели его доход увеличился. Теперь, помимо него и Степы работало еще две Газели, которые привозили по 1200 в сутки каждая. То есть, $2500+1200*3=6100$ в день, соответственно, 42700 за неделю. Плюс Вите удалось продать два сайта по 25000, заплатив фрилансерам по 7500 за каждый, потому что дизайнера пришлось поменять, а новый брал на 500 рублей больше. Итого за неделю у Вити получилось 42700 с маршруток и 35000 с сайтов. Таким образом, он отложил на карточку еще 77000, общая сумма получилась 134000. Витя почти набрал нужную сумму для выплаты Лехе.

Тем временем, подошло к концу строительство бокса в ограде, начатое Витей еще в конце первой недели. Как только бокс был готов, Витя тут же сдал его в аренду за 15000 в месяц двум мастеровым, у которых обслуживались многие газелисты с «начальной». Раньше они работали в автотехцентре ГАЗ, но Витя посоветовал им начать работать самим на себя, ведь у них была своя клиентская

база, и любезно предоставил помещение с оборудованием. Необходимые инструменты Витя купил на первые 15 тысяч, полученные за аренду от мастеровых. Разумеется, денег не хватило, поэтому Витя купил самое необходимое, планируя приобрести недостающее со следующего арендного платежа. От этого решения выигрывали все – мастера получали больше денег, потому что не отдавали большую часть своей выручки в кассу техцентра, клиенты платили меньше, за счет снижения цен мастерами, а Витя получал арендную плату за наскоро сколоченный деревянный сарай и существенную скидку на ремонт своих Газелей, которых у него на тот момент было четыре. А подержанные Газели требовали постоянного внимания. Кроме того, Витя подал документы в банк на кредит в полтора миллиона под залог квартиры родителей Ани, посулив им в качестве компенсации за беспокойство большой ЖК-телевизор, потому что их старенький Панасоник, купленный еще в 1996 году, включался через раз, страшно гудел и явно доживал последние дни. Тогда же Витя подал документы на регистрацию ООО, которое решил назвать «Контакт». На вопрос Степы почему именно Контакт, а не «Жасмин» или, там, «Автолайн Омск», Витя ответил, чтобы непонятно было, не привлекало лишнего внимания проверяющих и можно было не привязываться к определенному виду деятельности. Например, сложно торговать нефтью, если твое ООО носит название «Краснодарские томаты».

– Типа секретничаешь? – спросил Степа.

– Нет, секрет – это другое, я просто не хочу привлекать внимание. Секрет – это когда девушка не говорит сколько у нее было парней. Берут ли чиновники взятки – тоже секрет. Процесс законотворчества или подсчета голосов избирателей – секрет. Церковное таинство – секрет, что видно даже из названия. Вообще, когда мы сталкиваемся с неким секретом или тайной, в подавляющем большинстве случаев мы имеем дело с чем-то неприглядным, а если секрет женский, то всегда. Все просто – выгодные факты подчеркиваются, невыгодные умалчиваются. Очень редко за секретом стоит успешная работающая технология, охраняемая изобретателем от конкурентов, в остальных случаях секреты делятся на две большие группы: в первой секретом прикрывают слабость, подлость, низость или порочные факты. Во второй группе завесой таинственности покрываются совершенно обычные вещи, для придания им некоей священности, непогрешимости, веса. Слабый человек, а таких большинство, склонен наделять неизвестное большей значимостью, чем и пользуются разного рода мошенники в рясах и деловых костюмах. Таким образом, секрет, кроме технологий, всегда обман и за любым секретом ничего хорошего нет. Это полезно вспоминать каждый раз, когда сталкиваешься с любителями поскрывать....

– Подожди, я правильно услышал, что церковь – сборище мошенников? – насторожился Степа. Он был крещеным

и не снимал православный крестик даже в бане несмотря на то, что в парилке цепочка больно обжигала шею.

– Нет, неправильно. Вернее, не совсем. Давай, я тебе сейчас расскажу как оно есть, а ты уже делай выводы сам.

– Давай. Но если ты мне сейчас будешь рассказывать, что Бога нет, я перестану с тобой разговаривать.

– Бог есть, расслабься. – улыбнулся Витя. – Другое дело как воспринимаем его мы. В Бога легко верить народу либо совсем темному, либо очень умному. Простому люду не нужны доказательства Его существования, гении же их ясно видят. Тогда как образованное человечество уже видит нелепость догм и ритуалов, но не видит еще самого Бога. По уровню духовной зрелости люди делятся на три типа, подобно зрелости обычной, то есть дети, подростки и взрослые. Интеллектуалы, как подростки, потешаются над «дремучими» церковными прихожанами-«детьми», считая себя более развитыми и познавшими жизнь. Духовно зрелые взрослые спокойно наблюдают за обоими и ждут, пока те повзрослеют. Духовно зрелые люди поняли идею «духовной лестницы» Иоанна Лествичника, это, кстати, православный святой. Он говорил, что каждый из нас находится на своей ступени духовного развития и грех смеяться над теми, кто ниже нас, ровно, как и завидовать тем, кто выше нас на этой лестнице. Церковь нужна людям, она придает хоть какой-то вид всеобъемлющему Богу. Религия, подобно букварю, являет собой элементарное описание сложных вещей и в этом ее

огромная заслуга и роль. Уже сейчас ученые-физики в своих исследованиях устройства вселенной продвинулись настолько, что новые открытия могут объяснить только своим коллегам. Как пример – знаешь ли ты, что доказал Григорий Перельман?

– Ну, не помню точно, но теорию какую-то...

– Теорему Пуанкаре. Но почему это так важно и почему за это дают миллион долларов я никак не могу понять, хотя и пытаюсь. Вроде бы, это доказательство вносит новые возможности в методы познания вселенной, как-то так... Теорию струн не могу понять, хотя видел компьютерную модель этой «струны». Ученые уже доказали существование одиннадцати измерений. Одиннадцати! Да как это вообще? Я вижу трехмерное пространство – объемное. Ну хорошо, пусть четвертым измерением будет время. Но откуда взялись еще семь? И где они? Я просто не могу себе этого представить. Мир устроен так, что объяснить его неподготовленному человеку просто невозможно, поэтому люди придумали религию. Любая религия – человеческое творение, да это и не тайна вовсе. Мусульмане знают, что живут по заветам реально существовавшего Магомета, православные – по заветам вполне живого Христа, буддисты – согласно учению реального Будды. Все они были людьми. Поэтому спор о религиях всегда есть спор о человеческом взгляде на божественное, и ничего больше. Но люди склонны воспринимать спор о религии как спор о Боге, что глупо. Бог реально су-

существует, а все споры на земле только о взглядах на этот факт. Участники дискуссии не понимают того, что спорят о разном. Духовные «дети» не могут смириться с нападками на Бога, не понимая, что «подростки» подвергают сомнению не существование Бога, а человеческую концепцию, объясняющую это существование. «Подростки» видят нелепость ритуалов и их ориентированность на невежество, и, принимая споры о религии за споры о Боге, начисто отрицают Его существование. И лишь духовные «взрослые» знают, что Бог внутри нас...

Итоги четвертой недели были точно такие же, как и третьей – Вите удалось отложить еще 77000 – такую же сумму. Газели принесли столько же, сколько и в прошлую неделю, сайта тоже удалось продать только два. Но это было неплохим результатом и стоило Вите весьма напряженной работы. Таким образом, к концу первого месяца Вите удалось отложить $134000 + 76000 = 210000$. 150 тысяч он отдал изумленному Лехе за Газель, из оставшихся 60 тыс, 21 тысячу положил на другую карту, которую назвал «Стабилизационный фонд» и 21 тысячу направил на благотворительность. Эти цифры соответствовали 10% Витиной прибыли за месяц, а Витя сколько себя помнил – 10% откладывал и 10% направлял на благотворительность. В качестве объекта помощи Витя выбрал собачий приют. Почему именно приют? Витя считал, что беда, в которую попали люди – это урок, который они должны пройти, не надо мешать людям стано-

виться лучше. А неприятности собакам устраиваем только мы, люди, сами собаки ни в чем не виноваты. Собаки живут по своей программе и все их проблемы только от того, что они доверяют людям больше, чем стоило бы.

Витя нашел в интернете ближайший к нему собачий приют и позвонил туда чтобы выяснить, в чем они нуждаются сейчас больше всего. Ответ был стандартный – собачий корм, некоторые виды лекарств, средства от блох и паразитов, опилки, утеплитель и так далее. Надо было видеть глаза Насти, волонтера этого приюта, когда на следующий день Витя подогнал к воротам располагавшегося в сельском доме приюта две полных Газели.

– Здравствуйте, я звонил Вам по поводу помощи. Вот – Витя показал рукой в сторону машин, – принимайте. Там опилки, корм, травматин, ведра и фанера по Вашему списку. И памперсы для Найды, как Вы просили.

– Ой... ой, Вы правда... я думала... Да что я говорю, спасибо, спасибо большое, даже не знаю как Вас благодарить – заохала она.

– Да перестаньте, это же не для Вас, это для собак. Вы не должны меня благодарить. Скажите лучше, куда выгружаться.

– Ой, конечно, пойдемте покажу...

Через полчаса они уже пили чай в доме и обсуждали нужды приюта. Настя рассказывала, что именно и в каких объемах необходимо постоянно, а что периодически. Витя вни-

мательно слушал и записывал. Они быстро перешли на ты. Когда Настя закончила, Витя обратился к ней:

– Анастасия, я направляю 10% своей чистой прибыли на благотворительность. В этом месяце я заработал 210 тысяч, соответственно, смог купить и привезти необходимых вам вещей на 10% от этой суммы. Впредь я буду делать это постоянно, раз в месяц буду звонить и спрашивать, что вам нужно, а потом привозить, в рамках 10% от заработанных мной денег, ни больше, ни меньше. А лучше, ты сама готовь список и звони мне 30 числа каждого месяца, потому что приют – это твое занятие, мое занятие – бизнес. Вот мой номер телефона. Я полагаю, у вас бывают экстренные ситуации, например, собаку сбила машина или другие обстоятельства, при которых срочно нужны деньги – можешь звонить мне в любое время, в рамках тех денег что у меня соберутся к тому времени я всегда помогу. Можешь считать, что эти деньги изначально ваши.

– Даже не знаю как тебя благодарить! Побольше бы таких людей!

– Настя, перестань! Я делаю это не ради твоей благодарности.

– А ради чего?

– Как тебе сказать... Мы все должны что-то приносить в этот мир, чем-то ему помогать, чем-то делиться. Невозможно жить только для себя. А с чисто практической точки зрения это мне приносит денег больше, чем я трачу, пото-

му что я понимаю, что зарабатываю не только себе, но и им, и это заставляет меня зарабатывать еще больше. Плюс нивелируется незримое наследие СССР – я получаю идеологическое обоснование необходимости зарабатывать. Так что, если смотреть сугубо прагматически – это просто выгодно, жаль, большинство бизнесменов этого не понимает. – Он немного помолчал и с улыбкой добавил:

– В-общем, мне удобнее считать, что Бог через меня передает эти деньги вам. Я просто посредник.

Настя смотрела на него с нескрываемым удивлением и любопытством. Она никогда не встречала никого, кто бы так мыслил. Если бы каждый человек рассуждал хотя бы частично как этот парень, мир был бы совершенно другим. – думала она.

Когда деньги жгут карман

Валера с Геной ехали по Кутузовскому проспекту в сторону центра.

– Классно, что ты живешь на Арбате, а работаешь в Москва-сити – бодрым голосом сказал Гена. – обычно наоборот, люди работают в центре, а живут в сторону области. А так, получается, что мы без пробок всегда ездим, это офигенно.

– Слышь, умник, ты мне лучше скажи – чемодан мой нашел? – перебил его Валера.

– Ну я... нет... – понуро протянул Гена. – Я в клуб звонил, они изучили записи с камер наблюдения – ты выходил из клуба с кейсом.

– Че ты мямлишь там? У меня из-за тебя сегодня чуть покупка торгового комплекса не сорвалась, хорошо, Илья разругил! – гневно сказал Валера. Гена виновато молчал.

– Ладно, проехали. На первый раз прощаю. Но ты в следующий раз будь внимательнее, лады?

Гена энергично затряс головой, и они продолжили путь в сторону дома, оставляя за спиной багровые блики закатывающегося солнца на голубом стекле известных каждому москвичу небоскребов.

– Генчик, я хочу вечером в стрип-бар какой-нибудь зайти, посоветуешь че-нить, ты же местный. – через некоторое

время заговорил Валера

– Ну, я особо не ходок по таким заведениям, – начал Гена. – Но у меня есть приятель, он в этой теме шарит, могу спросить.

– Давай, тока прямо сейчас звони.

– Ладно – ответил Гена и начал искать телефон приятеля в справочнике мобильного. Через пять минут он в общих чертах владел текущей ситуацией.

– Короче, – начал отчет Гена, буквально пару месяцев назад открылся клуб на Ленинградском шоссе, очень его рекомендуют. Там какие-то типа девственницы стриптиза. Что это значит я не врубаюсь, но звучит заманчиво. Они пока зарабатывают клиентуру, соответственно, держат марку. Леша говорит, там девки на уровне, цены не дерут, консумации нет почти.

– Консумации? Че это?

– Ну это когда девка тебя на бабки разводит, типа купи мне попить, купи мне поесть, дай мне на чай, дай мне на такси, дай мне просто так... При этом сама просто так не дает.

– Ну че бы не угостить девушку, в чем проблема?

– Они же выбирают самые дорогие коктейли, тыщи по полторы за штуку и их много, устанешь всех угощать, ты же не сладкий Буратино.

– Ну, вообще да. Че еще он говорит?

– Короче, говорит, нормальная тема, но с продолжением там туго. Так что если просто посмотреть и потрогать. Если

хотим с продолжением, то лучше ехать на Кузню, есть там одно старое доброе заведение. По соотношению цена/качество оптимальное.

– Заинтриговал ты меня, давай и туда и туда съездим. Посмотрим на девственниц и поедem к профессионалкам – заржал Валера.

На том и порешили. Вечером, ближе к 11 часам они входили в стрип-клуб. Валера никогда в жизни не был в стрип-клубах и испытывал радостное возбуждение, предвкушая волшебный вечер. Все было как обычно – охрана, рамка металлоискателя, доброжелательная хостесс с желтым браслетом и, вот он – здравствуй, уютный светло-бежевый диван №17 прямо напротив сцены. От ВИП-зоны было решено отказаться, чтобы лучше видеть шоу. Валера принялся озиpаться. Интерьер клуба был удивительно сбалансированным. Ничего не резало глаз, музыка не била по ушам, охрана не напрягала своим присутствием, пьяные студенческие компании не бушевали за соседними столиками. Если вчерашний клуб будил ощущение гедонизма и алчности, то этот рождал нечто вроде эстетического эпикурейства. Несмотря на пеструю подсветку всего, чего только можно, от ступенек до потолка, было тем не менее, как-то удивительно уютно и гармонично. Ощущение комфорта лезло изo всех щелей, даже диван под Валериной попой был такой степени упругости, что сидеть на нем было мягко, но при этом ты не проваливался по подбородок, а края стеклянного столика бы-

ли достаточно отполированы, чтобы об них нельзя было порезаться даже специально. Сам столик был такого размера, чтобы удобно было вставать и садиться, но при этом, на нем мог поместиться кальян средних размеров и какая-то закуска, и выпивка. Интерьер был однозначно зачетный, Валера сразу решил, что придет сюда еще. На подиуме феерично отплясывала барышня в перьях, по бокам от нее крутились две товарки в обтягивающих серебристых шортах и топах. У всех трех на руках были зеленые пластмассовые браслеты. Вечер теплел и набирал яркость. Зрелище манило взор, но нужно было что-то заказать для начала, подумал Валера. Не успел он открыть меню, как к ним на диван под села девушка в блестящем голубом платье и серебристых туфлях на огромных шпильках и платформе. У нее на руке был синий браслет.

– Привет! И как зовут нас, подарок судьбы? – игриво поинтересовался Валера

– Грета – заулыбалась девушка и натренированно потупила взор.

– Грета? – заржал Валера.

– Грета – смущенно повторила она свое концертное имя, оно уже не казалось ей таким оригинальным. Валера хохотал от души, даже слезы выступили. Вдоволь насмеявшись, он попытался задать ей какой-то вопрос, но, мысленно выстраивая фразу он неизбежно доходил до имени Грета и его прорывало. Едва Валера вспоминал имя стрипки, он снова на-

чинал неудержимо хохотать. Гена послушно хохотал рядом.

– Не, не... позови нам другую – сквозь смех выдавил из себя Валера. – Только Наташу или Катю, если есть. А не Марисабель какую-нибудь – и он снова упал в хохот.

Девушка в смешанных чувствах удалилась и ближайшие полчаса к ним никто не подходил, даже официантки.

Раздался телефонный звонок, это был Илья Малкин. Он сообщил, что подписание закончилось только что, потому что юристы долго смотрели документы, кроме того, они не хотели подписывать договор купли-продажи по ксерокопиям «Энтико», даже нотариально заверенным сегодняшним числом, но, в итоге, Илья их убедил и все прошло успешно. Теперь в арендном бизнесе «Энтико» на один торговый комплекс больше. Валера откинулся на диван, закинул ногу на ногу, закурил одну из уже полюбившихся ему кубинских сигар и торжественным тоном произнес:

– Ну, кто здесь папа?

– Что такое? – спросил Гена.

– Я только что купил торговый комплекс в Одинцово, который приносит 4 миллиона в месяц.

– О, поздравляю! Это надо отметить! – обрадовался Гена.

– Я те отмечу шас, газировку будешь пить. – засмеялся Валера

– Ну я же это, я же не имел ввиду...

– Да, да, да – ухмыляясь, перебил его новоиспеченный «папа». – Принесите ему Тархун – смеясь, обратился он к во-

время подошедшей официантке с черным браслетом на руке. – Кстати, что это за браслеты у вас? – Официантка объяснила Валере, что это фишка клуба, так проще отличать персонал по функционалу, хотя на приват можно приглашать любой цвет браслета.

– Вы бы лучше ценники сразу повесили – подытожил Валера.

Вечер был прекрасен – танцули на подиуме часто сменяли друг друга и одна была красивей другой. Причем, девчонки действительно не выглядели пластмассовыми и прожженными, они выглядели ровно так, как и должны были выглядеть приехавшие покорять Москву провинциалки, которых только что сняли с поезда и едва успели накрасить. Цены в меню приятно удивили Валеру – депозит за столик составлял всего 6 тысяч, и они уже два часа не могли их потратить. Валера обменял фишку, которую ему дали на входе на приватный танец, после которого сразу влюбился в стрипку и предложил ей руку и сердце. Но она так и не оставила ему номер телефона, несмотря на слезные мольбы, ниспадания на одно колено, рассказы о Бентли и целом этаже сотрудников. Валера даже показал ей ключи от машины, но она осталась непреклонна. Он обиделся, и они с Геной поехали в сторону Кузнецкого моста, в более контактный, как они надеялись, клуб.

Следующий клуб сразу покорила Валеру. Не роскошью интерьеров, не атмосферой комфорта, не пафосом и не душев-

ностью. Клуб был заточен на разврат и в этом плане являл собой нечто совершенно грандиозное. Полностью обнаженные девушки, танцующие контактные лэпы на коленях мужчин, дым кальянов и сигарет, плывущий в приглушенном свете красных софитов, тематическая музыка и магический полумрак, гроздьями лежащий во всех выемках и впадинах, создавали ощущение разнузданной массовой оргии на балу у Воланда. Валера был в восторге. И даже очередь на входе, не в меру ретивая охрана и хостес с видом утомленной богини, не смогли испортить ему впечатление. В этом клубе было решено VIP-зону все же взять, потому что у них были специальные дырки в стене, через которые было видно сцену. Впрочем, как скоро убедился Валера, фишка этого заведения была не в зажигательных шоу. Стрипки безостановочно курсировали между диванами и по очереди усаживались Валере с Геной на колени. Немного поерзав и дав себя пожатать, стрипка, получив 500 рублей в трусики, или, если их не было, под резинку на прелестной ножке, двигалась к следующему дивану, а к Валере на колени же тут же взбиралась другая. Оказавшаяся в первые минуты рядом девушка из Нигерии сразу же после знакомства объявила, что секс стоит 15000 р. Это было очень заманчивое предложение, но Валера решил осмотреться и повыбирать. Нет, конечно, он когда-то мечтал о негритянке и, как порядочный человек просто обязан был попробовать, но это было как-то очень быстро. Валера даже немного опешил от такой про-

стоты и скорости и не был еще морально готов. Кроме того, он был уверен, что вокруг еще очень много интересного, поэтому он решил понаблюдать и прицениться. Он обратил внимание на официанток, они вдруг начали обслуживание топлесс, хотя в крейзи-меню это шло отдельной услугой. Однако, они это делали бесплатно, а почему, Валера не понял, да и мало его это интересовало, просто стал подзывать их чаще.

Стрипки по-прежнему елозили по Валериным брюкам, сменяя друг друга как часовые у мавзолея и каждая считала своим долгом томно, почти засунув ему язык в ухо, позвать на приватный танец. Валера дождался танцулю с подходящими тактико-техническими характеристиками и милости-во согласился.

И, вот, наконец приват комната. Вполне уютная, в меру освещенная. Началось действо, и в Валерином сознании все смешалось. Танцуля изгибалась как змея и сбрасывала с себя одежду, как уже упомянутая кожу – быстро и решительно. Она садилась на шпагат терлась всей собой о всего Валеру, махала ногами и вертела задом, но окончательно башню Валере оторвало, когда богиня, съехав по нему сверху вниз, приняла стойку на руках. И, сначала перед его лицом оказалась её прелестная попа и поднятые вверх ножки, ... которые плавно разъехались в разные стороны. Такого Валера не видел даже по видику. Он был впечатлен и сразу влюбился. Богиня была сговорчивой, ей даже не пришлось показы-

вать ключи от Бентли. 15 тысяч рублей оказалось достаточно, чтобы получить ее согласие на короткое свидание в одной из специально оборудованных для этого комнат здесь же, в клубе. Комната эта находилась на втором этаже, в ряду себе подобных. Попасть туда можно было по специальной лестнице, минуя охранника с суровым взглядом и наушником.

В самой комнатке была душевая кабина в углу, и большая кровать, с бордово-золотым изголовьем а-ля барокко, занимавшая большую часть комнаты. Рядом с кроватью стояла тумбочка, на которой лежали презервативы разных видов, влажные салфетки и мирамистин. Тут же стоял китайский магнитофон из которого доносился Иван Дорн. Богиня принесла чистое постельное белье, добросовестно заправила кровать, и они принялись пылко обсуждать материализм в эстетике Фейербаха.

Гена тем временем пил капучино и наблюдал шоу на сцене. Ему определенно нравилась новая работа. Они с Валерой наменяли в кассе пятьдесят тысяч пятисотками и чередой стрипок на Гениных брюках не заканчивалась. Он пару раз ходил в приват, но уволить танцулю не решался. Увольнением участники бизнеса называли платный секс, чтобы непонятно было. Гене все было понятно, но он категорически не умел врать и не хотел, чтобы понятно стало и Полине, его жене. Она и так беспокоилась за него. С одной стороны она радовалась повышению зарплаты мужа и его статуса, с другой, за последние трое суток он ночевал дома только один

раз и ей это решительно не нравилось. Гена понимал ее тревоги, но его работа не имела графика и с этим он не мог ничего поделать. Если бы Гена сейчас попался на измене, это определенно плохо кончилось бы, поэтому Гена предпочитал не рисковать. Не то, чтобы ему не хотелось, просто оно того не стоило. Поэтому он пил кофе, рассматривал девок и наслаждался жизнью, не выходя за рамки благоразумного.

Через час Валера выполз из примерочной, как он полусушутя окрестил эту комнатуху. Он был абсолютно счастлив. Такого с ним еще никогда не было. Богиня, которую звали Камилла, оказалась бомбой, она вытворяла с ним такие вещи, Валера и не подозревал что так можно. Он рассказал ей про Бентли и взял номер телефона. Стрипка согласилась встретиться за пределами клуба за десятку. Он вернулся в зал и тут же в подробностях поведал о своих подвигах Гене, предложив ему тоже уволить танцулю, но Гена не пылал энтузиазмом, а Валера был слишком счастлив, чтобы спорить.

Далее снова были приваты и были леп-денсы. Парни смотрели выступления у шеста, танцевали белые танцы, хлопали вовремя парад-алле, пили виски и кофе.

Прошло часа три, надвигалось утро, но уходить совершенно не хотелось. Прелестницы, как-то реже стали ходить собирать чай. Зато «одетые» дамы, до этого пассивно стоящие в стороне, вдруг стали подходить, и, мягко запуская свои ноготки в Валерину шевелюру и томно выдыхая в ухо, предлагать «осо-О-бый приват танец». Некоторые феи подходили

к вопросу творчески, например, одна из них, абсолютно голая и с поволокой во взгляде, взгромоздилась Валере на колени и, лаская себя, с придыханием сообщила:

– Привет! Давай любить друг друга!

– В смысле?

– В смысле – пойдем трахаться!

Валера уже был сегодня на особом привате, а не в его привычках было танцевать дважды в день, но тело-то было Витино и оно приняло предложение миновав Валеру. Еще час в примерочной, еще минус пятнадцать тысяч, еще один телефон и еще одна гора счастья.

Уходили из клуба около 6 00 утра. Отблагодарили хостесс, гардеробщика-негра и даже сурового охранника. Подошла к концу самая лучшая ночь в Валериной жизни. Утро начало вступать в свои права и если бы не октябрь, то уже всю красило бы нежным светом и стены древнего Кремля, и асфальт Петровки, на котором стоял наш волокита со своим другом-телохранителем и полной грудью вдыхал свежий утренний воздух.

– Поехали! – скомандовал он и они зашагали к машине...

Внезапная любовь

Как странно иногда бывает. Ты всю жизнь хотел стать счастливым, искал это счастье, боролся за него, прошел тысячи километров и дней, видел сотни глаз и улыбок, но все было не то, все было мимо. Ты искал неведомо зачем, хотя бы тень его, хотя бы эхо вдалеке, но тени оказывались иллюзией, а эхо – обманом. И вот, когда ты уже практически отказался от поисков, судьба внезапно одаривает тебя целым мешком счастья. Оно падает на тебя откуда-то сверху и внезапно заполняет собой все вокруг. Как будто в награду – ты долго ждал и тебе воздалось. И ты стоишь и думаешь – ну, где оно было раньше? Счастье, как любая перемена, всегда приходит внезапно. Оно просто настает – раз и все, настало. А что для мужчины счастье? Самореализация, успех, активная жизнь? Все это имеет смысл, если есть Она. Поэтому, если нет Ее, рамки счастья сужаются до женщины. И встретить счастье – значит, встретить свою девушку. Причем, встретишь ты ее не на светском рауте, не в холле фитнес-центра, не в кафе и даже не в библиотеке, ты встретишь ее там, где меньше всего ждал. Она просто сядет в твою Газель на Декабристов и протянет тебе 12 рублей за проезд. Ты заглянешь в ее глаза и поймешь, что пропал. Прошрое разом потеряет смысл – ты почувствуешь, как оно камнем летит в пропасть забвения и исчезает там, в словно в тумане. И не остается больше ни-

чего вокруг, кроме тебя, ее глаз и двенадцати рублей, соединяющих вас словно невидимым мостом и дающих повод к прикосновению рук.

Вика была красавицей. Причем так считала не только она сама. Когда она шла по улице – на нее оглядывались и мужчины, и женщины. Высокая, статная, голубоглазая брюнетка в белом плаще, с длинными, слегка выющимися волосами, казалось, сошла с рекламного билборда каких-то французских духов. В каждом ее движении, жесте, взгляде, во всем, что она говорила или делала была какая-то легкость и грация. Местные олигархи бросали к ее ногам бриллианты, шубы, машины и квартиры, но никто не мог покорить ее сердце. Она хотела найти в мужчине некий полет мысли, одухотворенность и, самое главное, – сердечность, и не соглашалась на меньшее. Местные обеспеченные мужчины почему-то поголовно оказывались так или иначе связаны с МВД и, соответственно, человеколюбием не блистали.

Она училась на пятом курсе Омского Государственного Университета и постоянно ездила в университет на маршрутке. Во время этих поездок ей мало приходились по вкусу музыкальные пристрастия газелистов и их привычка к курению во время пути. Но однажды, она села в маршрутку и, услышав «Queen», не поверила своим ушам. Она подумала, что это скорее всего, радио, но нет – играл последний альбом «Queen» – «Made in heaven», она знала все композиции с этого альбома. Потом она снова случайно попала на эту

маршрутку и там снова звучал голос Фредди Меркьюри. Она уже несколько раз ездила в этой маршрутке и сегодня решила наконец сесть на переднее сиденье, чтобы посмотреть на водителя поближе. Тот, кто слушает «Queen», не может быть плохим человеком – решила она полусуто.

Водитель был немного рыхлый и совсем не красивый, но движения его были наполнены такой уверенностью, а вокруг него была такая энергетика, что Вике стало интересно, что это за человек. Обрывки телефонных разговоров, которые Вике удалось расслышать во время своих поездок, представляли его человеком деловым, решительным и весьма неглупым, что, однако, слабо вязалось с его внешностью. Кроме того, Вика ни разу не видела его с сигаретой, чем была приятно удивлена. Она заметила, что необычный газелист проезжал ее остановку примерно в половине одиннадцатого, плюс-минус пять минут, словно ездил по расписанию и старалась так подгадать, чтобы попасть именно в его Газель. Сегодня она набралась смелости и села на переднее сиденье, рядом с ним. Передавая деньги за проезд, она подняла глаза и их взгляды встретились.

В этот момент прогремел гром, ударила молния, запели соловьи и ангелы заиграли на своих арфах и дудочках. Говорят, секс начинается со взгляда. Если это так, все пассажиры должны были бы выйти покурить, такие там были искры. Кем бы ни был этот человек, она выйдет за него замуж – решила Вика в ту же секунду.

Они смущенно смотрели друг другу в глаза. Потом, не сговариваясь, одновременно отвели взгляд – Вика вниз, Витя в сторону. Вика улыбнулась, Витя засмеялся, автоматически бросил мелочь коробку и снова с нежностью посмотрел на нее. Казалось, прошла целая вечность. Пассажирам тоже так показалось. Из салона донесся чей-то возмущенный голос:

– Водитель, ну мы долго стоять будем? Я в больницу опаздываю! Сзади громогласно засигналил автобус – Витина Газель мешала ему выехать с остановки.

– Да, сейчас. – пробормотал Витя и начал выруливать на дорогу.

Они ехали, не решаясь ни посмотреть друг на друга, ни нарушить молчание.

Через некоторое время Вика спросила:

– Простите мой интерес – я впервые вижу водителя маршрутки, который слушает Queen.

– Да? А что обычно слушают водители маршруток? – поинтересовался Витя

– Насколько я могу судить – Авторадио или что-то подобное.

– Знаете, мне кажется, что если внимательно слушать Queen, если плыть по ней, то эта музыка на своих мягких волнах сможет донести до ворот рая. Самое удивительное – она абсолютно не надоедает.

– Да, я тоже заметила. Эти песни по-новому раскрывают-

ся, когда проходит время... были любимыми одни – потом удивляешься красоте других. – ответила Вика.

– Есть такое. Это, потому что Фредди – гений. Его песни раскрываются подобно полотнам. Да Винчи. Творчество гениев всегда сконцентрировано, там столько всего содержится, что можно всю жизнь открывать что-то новое. И никогда не узнаешь – все ты разгадал или нет.

Она засмеялась.

– Виктор – представился он.

– Виктория – ответила она.

Он слегка приподнял брови и мягко посмотрел на нее. Она улыбнулась в ответ, дескать, да-да.

– A winter's tale – знаете такую песню?

– Да, конечно, совершенно потрясающая.

– In my defense? One Year Of Love? Is This The World We Created?

– Виктор, почему Вы спрашиваете?

– У Фредди и его друзей есть много классных песен, которые я никогда нигде не слышал. Вдруг удастся подарить Вам жемчужину.

– Мне кажется, я слышала все... Кстати, на прошлой неделе была новость от Брайана Мэя -они нашли песню, которая осталась недописанной и была забыта. Это любопытно, правда?

– Не думаю. Скорее всего будет не очень. Слышали песню «Атаман» группы Кино? Ее тоже недавно нашли недописан-

ную и дописали. Думаю, тут будет так же, потому что хиты обычно не теряют. Так Вам нравится Queen?

– Нравится? Это не совсем то слово. Я Вам расскажу, как плакала лет в 10—12, читая книгу о Фредди Меркьюри. Там было такое начало, я, конечно, уже не помню, про кошек, которые спрыгнули с кровати мертвого Меркьюри... и вот я прямо и начала рыдать... Мне там все так было интересно. И, конечно, непонятно было многое... Это вообще, наверное, первая книга, которую я с таким сумасшедшим увлечением читала. Конкуренцию в первенстве может только Пепи-Длинный-Чулочек составила. Но это другое.

– Это так... трогательно.

– А еще мне недавно говорили, что была Under pressure без Дэвида Боуи. Хотела поискать, сегодня, пожалуй, и займусь.

– Ого, это было бы здорово. Мне нравилось слушать эту песню на мощной аудиосистеме с сабвуфером в... (Витя чуть не сказал Бентли, но вовремя осекся) ... восьмерке. Почти как с парашютом прыгать – эмоции сопоставимы. Представляю, что творилось на концертах.

– Да, классная песня. Vanilla Ace просто взял из нее главную тему, смастерил из нее песню Ice Ice Baby, и тут же стал знаменитым.

– Да и сами Queen в этом плане не были образцами морали, чего уж. Например для «The show must go on» они позаимствовали тему из песни Софии Ротару.

– Да ладно! Ротару? Queen ворует у Ротару? При всем уважении, мне сложно в это поверить.

– Ну Вы тогда включите песню «Золотое сердце» Софии Ротару, послушайте секунд 15, потом сделайте то же с «The show must go on» и сопоставьте даты выхода – Википедия Вам в помощь.

– Хорошо, но это как-то не укладывается у меня в голове.

– У СССР было украдено намного больше, чем представляется. – горько усмехнулся он.

– А вот и моя остановка. – огорченно сказала Вика. Ей не хотелось уходить.

– Вы торопитесь?

– Ну...

– Поехали со мной на конечную – покажу Вам чудесную столовую. – предложил Витя. Вика задумалась. В столовую ее еще не приглашали.

– А поехали! Все равно у меня по «Мировым рынкам» автомат, можно и пропустить одну лекцию. – согласилась она, с удивленным удовлетворением заметив, что обед в заводской столовке с этим газелистом прельщал ее намного более роскошных ужинов в лучших ресторанах города с теми, кто ей до сих пор это предлагал. – Интересно, что на это скажет мама. – весело подумала она. – Впрочем, маме, наверное, пока рано что-то говорить.

– Отлично! Вы влюбитесь в их компот, судя по всему, они его делают из настоящих фруктов.

– Надеюсь, это не единственное, чем можно там пожить – со смехом сказала она.

– Ну что Вы, конечно, нет. Картошка у них хорошая, салатики неплохие, если майонез выложить. Вот только мясное не очень. Я не пробовал, но коллеги говорят так.

– Ну, слава Богу, меня это не трогает, я не ем мясо.

– Я тоже – сказал Витя и еще раз внимательно посмотрел на Вику. – думаю, мы подружимся – засмеялся он и они поехали в сторону нефтезавода.

Во время обеда Витя признался Вике что хочет стать миллиардером, написать книгу, которая изменит мир, найти свою единственную и завести шестерых детей. Вике план в целом понравился. После завтрака Витя взял у нее номер телефона, докинул до университета и поехал в налоговую – забирать готовые документы ООО «Контакт». Он собирался зарегистрировать новый маршрут 320М с крюком до магазина «Весна», и для этого ему нужно было ООО. В Москве было целое отделение налоговой инспекции, занимавшееся регистрацией юридических лиц, в Омске почему-то это можно было сделать только в налоговой по месту жительства. Вообще, Витя уже больше месяца жил в Омске и заметил много различий между Омском и Москвой. И если уже заводить о них разговор, то начинать нужно с того, что жить в Омске можно только если ты родился тут и ни разу не выезжал за пределы Омской области или, если приехал из глухой деревни, казахской степи или занесенного снегом запо-

лярного города. Впрочем, это и были основные каналы относительной стабильности демографической ситуации, потому что активная молодежь массово уезжала из города в Москву, Санкт-Петербург, Европу, США и другие места. Ну, или, в крайнем случае, если ты относился к числу так называемой «элиты». Сам город являл собой нечто среднее между зоной и колхозом. И это неудивительно, потому что город вырос вокруг острога и наполовину состоял из частного сектора. Покосившиеся деревянные кварталы были даже в центре. Некоторые омичи держали дома кур, гусей и даже свиней.

В царские времена существовало такое уголовное наказание как ссылка. Оно оставило след во многих классических произведениях, из которых мы знаем, что провинившихся ссылали в Сибирь. Когда-то давно Витя читал книгу «Сибирь и ссылка» Джорджа Кеннана, 1906 года издания и у него до сих пор сохранились неприятные воспоминания от описаний каторжного быта. В ссылках бывали Пушкин, Лермонтов, Достоевский и многие другие хорошие люди. Омск как раз и был одним из тех мест в Сибири, куда ссылали арестантов в былые времена. И с тех пор все население незримо делилось на тех, кто стережет и тех, кого стерегут. В городе даже были улицы с названиями Тюремная и Лагерная, которые во времена СССР переименовали в 5 армии и Конева. В удалении чуть более 1 км от «нулевой отметки», то есть самого центра города, в Омске находится городская тюрьма. Кроме

нее в городе и по его окраинам находится несколько колоний, десять, если точнее. К примеру, в соседнем Новосибирске, городе, в котором в полтора раза больше жителей, колоний всего 6, из них одна женская, в нее везут зечек со всей страны. В советское время в городе помимо милиции и заключенных появились строители, комсомольцы, озеленители, заводские рабочие, было выстроено гражданское общество советского типа, но, с развалом СССР, все вернулось на круги своя и Омск снова грациозно, как инь-янь, поделился на ментов и продавщиц. Продавщицы стали обслуживать ментов, менты – следить за продавщицами. Мужья продавщиц в это время мотают пятерку за украденный у соседа газовый баллон. Строителей посадили, комсомольцев, ставших бизнесменами, постреляли в девяностых, озеленители спились, а заводские рабочие поделились на зеков и торгашей. Омичи вроде жили, вроде чем-то интересовались, куда-то ходили, делали какой-то бизнес, но все это было как-то убого и мелко по Витиным меркам. Омич мог потратить день на разбирательства с коммунальщиками из-за переплаты в 300 рублей. Не каждый, конечно, но среднестатистический. Низкие доходы горожан компенсировались высокими ценами на еду, одежду, автомобили, отдых. Много здесь было дороже чем в Москве, начиная с одежды и заканчивая автомобилями. Причем, чтобы оправдать космические накрутки на реализуемые товары, магазины и кафе гордо именовали себя элитными бутиками и ресторанами. Поэтому в Ом-

ске не было ничего среднего, все было либо элитным, либо социальным. Да что говорить, если даже МакДональдс, ставший свои «рестораны быстрого питания» везде, где только можно, обошел своим вниманием этот город с миллионным населением. В соседнем Новосибирске МакДональдс, разумеется, был. Сами омичи в большинстве своем жили по понятиям. Понятия эти, чисто омские, являли собой удивительный сплав воровских понятий и сельской сердечности. Этот сплав порождал особый омский менталитет. Омич четко понимал рамки дозволенного обществом и никогда за них не выходил, заодно следя за остальными, чтобы никто не выделялся. Соответственно, талантам и гомосексуалистам жилось в Омске несладко. Средний омич словно ходил в тесных плавках – так много ему было нельзя. Чаще всего омич одевался в черную куртку из кожзама, черные брюки и черную кепку с заправленными внутрь ушами, наподобие той, что носил Гоша в фильме «Москва слезам не верит». Причем весь черный цвет на омиче был разных оттенков. Предпочтения в цветовой гамме объяснялись практичностью и нежеланием выделяться и лишь самые отчаянные нонконформисты носили темно-синее. Омич часто бывал удалым, но удаль его заключалась в нанесении вреда самому себе. Когда омич присаживался в общественном месте, он бессознательно закрывал руками паховую область, что указывало на состояние внутренней тревоги. Омича отличала страшная лень ума и его косность. Он избегал мыслительных усилий даже

когда подписывал кредитный договор. Если средний москвич все время ожидал от окружающих подлянки и тем тренировал свой интеллект, омич обычно всем доверял и надеялся на авось. Однако, сам он был горячим патриотом, демонстративно любил свой город и мог оттащить за волосы любого, кто смел отозваться об Омске плохо. В Омске сложно было быть вежливым – окружающие тут же принимали тебя за лоха и начинали дерзить, а попытки договориться часто принимали тут за слабость. Но была в Омске одна отрада и неоспоримый плюс – женщины. Омички чаще всего были весьма недурны собой, причем попадались такие красавицы, каких и в Москве нечасто встретишь. Одной из возможных причин наличия в Омске большого количества красавиц Витя обозначил столыпинские реформы начала XX века. В то время из Украины в Сибирь относительно массово переезжали крестьяне-земледельцы на освоение сибирского чернозема. С тех пор в Омской области даже сохранились деревни с названиями в честь украинских городов – Полтавка, Одесское, Крым и т. д. А может, Богу просто стало жаль омского Адама, и он дал ему омскую Еву, чтобы жизнь не казалась ему столь унылой.

Из достопримечательностей в Омске была пожарная каланча и хоккейная команда, которая десять лет назад стала чемпионом России и омичи до сих пор об этом не забыли. Еще в Омске был секретный нефтезавод, подробные виды которого доступны на Google maps. Именно от него и возил

людей Витя несколько раз в день к заводу им. Попова, который секретным не был, видимо потому, что не работал. Впрочем, Витя не претендовал на объективность, это было его мнение, которое он успел составить за месяц.

Тем временем Вите позвонили из банка – кредит на полтора миллиона под залог квартиры был одобрен. Нужно было узнать все нюансы и последовательность дальнейших действий, и он поехал в банк, благо, в Омске все недалеко...

На следующий день провели сделку, наложили в юстиции обременение на квартиру, и Витя получил в кассе банка полтора миллиона наличными, почему-то тысячными купюрами. Видимо, чтобы заемщику не было так неловко – заложить квартиру за три пачки пятитысячных. Следующая неделя обещала быть жаркой – ему нужно было купить и поставить на маршрут десять машин. Но это было завтра, а сегодня ему предстояло свидание с Викой. Он пригласил ее в театр. Одному Богу известно, чего ему это стоило! Ведь официально Витя был Валерой и был женат. Кроме того, у него было трое детей. Витя категорически не хотел врать, даже честно сказал Вике, что его зовут Виктор, хотя, по легенде его звали Валера. Поэтому он должен был как-то преподнести Вике ситуацию, в которой находился, но понятия не имел, как это сделать. Кроме того, Аня была реальна. И дети тоже, как и штамп в его паспорте на имя Валеры Козлова. Разумеется, вопрос выбора не стоял перед ним, но, по сути, выбирать все равно приходилось. Витя никак не мог

решить для себя эту дилемму. С одной стороны, он не имел к этой женщине никакого отношения, с другой, факт был в том, что ее жизнь и жизнь ее детей была завязана на нем. И он решительно не знал, как выйти из этой ситуации. Об отношениях с Аней речи идти не могло в принципе, тогда как Вика, очевидно, была той, которую он всю жизнь искал. И тогда Витя решил пригласить Вику в театр и решать проблемы по мере их появления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.